

Ирина Хотина

Бриллиантовая королева, или Уроки судьбы не прогуляешь

Ирина Хотина

**Бриллиантовая королева, или
Уроки судьбы не прогуляешь**

«Издательские решения»

Хотина И.

Бриллиантовая королева, или Уроки судьбы не прогуляешь /
И. Хотина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853620-5

Еще одна история современной Золушки? Перед вами увлекательный роман, в котором есть все, чтобы помечтать: драгоценности, немислимые туалеты, роскошная жизнь, беззаветная любовь! На самом деле этот роман гораздо глубже. Героиню книги — миллионершу, главу ювелирного концерна — преследуют несчастья. За что? Какую задачу возложило на нее мироздание? Почему трагически погибают близкие ей люди? На эти вопросы героине отвечают ее Духовные Наставники. Ей предстоит распутать сложные кармические узлы...

ISBN 978-5-44-853620-5

© Хотина И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Здравствуйте! Пару лимонов баксов заказывали?	6
Глава 2. Как славно быть женщиной!	12
Глава 3. Полет из мечты в явь	16
Нина. Первый этюд в революционных тонах	19
Глава 4. Агент «007», он же адвокат бриллиантового короля	25
Глава 5. Тетрадь в сафьяновом переплёте	33
Глава 6. Самоэль. Второй этюд в революционных тонах	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бриллиантовая королева, или Уроки судьбы не прогуляешь

Ирина Хотина

© Ирина Хотина, 2017

ISBN 978-5-4485-3620-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Здравствуйте! Пару лимонов баксов заказывали?

Господи, неужели это не сон! Неужели это со мной? И неужели все это правда? Я, конечно, хотела поправить свое материальное положение. В лучшем случае вернуть то, что было потеряно. Но чтобы вот так, сразу, ощутимо и весомо сто миллионов долларов? Да нет, даже не долларов, а фунтов, этих самых стерлингов. Спасибо, спасибо, спасибо тебе, Господи! Спасибо, что провел меня этим путем, пускай трудным, иногда страшным, с ошибками, с падениями, но ведь и со взлетами. Спасибо, что услышал мои молитвы, мои стоны, временами и плач.

Бедность, конечно, не порок. Но и счастья в ней нет никакого. И кто это придумал, что нищий человек богат духом? Страхом он богат, и весь дух в этом страхе. Но теперь все позади – и страхи, и стоны, и долги – эти пудовые гири. Прощай, нищета! Прощай, унижительное чувство стыда пересчитывать каждый рубль при очередной, пусть даже самой пустяковой покупке. Прощай, мерзкий холод животного страха и пустоты, в которую проваливаешься при одном только воспоминании о ледяных змеиных глазах. Все, все, забыто! Прощай, долговая яма! Прощай, кабальное ярмо! Свобода!!! Ребята, скоро, очень скоро я выключу ваш счетчик.

Эх, жалко, конечно, столько отдавать. Еще и налог на наследство существует. И адвокатам нужно платить. Какие сто миллионов? Дай Бог, половина останется.

Ага, дорогая, вчера еще о тыщонке баксов как о манне небесной мечтала, а сегодня – пятьдесят миллионов маловато будет?! Вот что с людьми деньги делают!

А что делают? Ничего. Я просто к ним рачительно отношусь.

Молодец! А теперь успокойся, экономная моя. Миллионом больше, миллионом меньше. До Лондона путь не близкий. Ремень пристегнула? Ну вот, кажется, взлетели!

Как это про известных людей говорят: «Наутро он проснулся знаменитым!»? А я проснусь богатой! Свой дом в Лондоне, Париже, где-то в Швейцарии, вила на Лазурном берегу, поместье в ЮАР. А главное!.. Главное – счет в банке!

Ну вот, опять завелась. Лучше подумай, что тебя завтра ждет. Владение английским – со словарем. Группа поддержки – никакой. Наплела мужу про пятьдесят тысяч долларов, оставленных невестой откуда взявшимся троюродным дедушкой, и про то, что хочешь положить цветочки на его могилку в знак благодарности. Он, дурачок, и поверил.

А у него были варианты? Не мной проверено: меньше знает, лучше спит. Главное, чтобы у него дебет с кредитом сошелся. Но с завтрашнего дня я сама устанавливаю и дебет, и кредит. Ты представляешь себе, что такое финансовая независимость от мужа? Нет, все-таки приятно ощущать себя графиней Монтекристо.

Допустим, на этого персонажа ты не тянешь – не хватает пары миллиардов.

Не беда! Мстить-то никому не надо. Живи в свое удовольствие!

Да, да, дорогая, вот тут ты совершенно права. А для чего тебе, собственно говоря, свалилось на голову это наследство?

И как ведь все сошлось?! Когда позвонили из адвокатской конторы, ты оказалась дома, а ведь должна была читать лекцию, которая в последний момент благополучно отменилась. И именно ты подошла к телефону, а не кто-то из твоих мужиков, которые абсолютно честно бы ответили: «Нет, такую не знаем, не слышали, понятия не имеем». А самое главное – метрика бабушкина сохранилась, пожелтевший от времени маленький листочек бумаги с расплывшимися фиолетовыми чернилами, «счастливый билет» в другую жизнь.

Знаешь что, Катерина, не прикидывайся «ботвой». Все-то ты прекрасно знаешь и понимаешь, других этому учишь: «Как привлечь успех. Как сделать свою жизнь счастливой». Просто сама не ожидала такого результата. Верно?

***

– Алло, вас беспокоят из N-ской адвокатской конторы. Мы разыскиваем родственников Бронштейн Нины Бенционовны. Вам знакомо это имя?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что первой реакцией было – а не послать ли куда подальше всех этих любителей составления еврейских списков?! «Пульт Тушино», кажется, закрыли. Неужели у нас в Кузьминках образовалась новая черносотенная газетенка, какой-нибудь «Кузьминский набат»?

Но тут в мозгу что-то щелкнуло. Наверное, одна мысль зацепилась за другую, а та, в свою очередь, вытащила из памяти заложенную в детстве информацию. И я совершенно спокойно ответила:

– Конечно, знакомо. Это моя бабушка.

Хотя всю жизнь, по крайней мере, мою, она звалась по-другому: Левитина Надежда Борисовна. Ну, то, что фамилия другая, понятно – по мужу, моему деду. А вот имя и отчество, хотя и похожи, все же отличались. Но именно так, Надежда Борисовна, ее звали все: знакомые, родственники, коллеги по работе и бесчисленные соседи, приходившие к ней за помощью или советом, как к единственному ЛОР-врачу в ближайшей округе одного из московских районов.

Я думаю, бабушка не делала из этого никакой тайны. Просто никто ее о том не спрашивал, а сама она никому не рассказывала. Я же узнала случайно, благодаря неумному детскому любопытству и страсти копаться в ее старых вещах.

Какая это была увлекательная игра – примерять ветхие, вышедшие из моды бабушкины платья, жакеты, блузки. А какая прелесть эти шляпки, аккуратно уложенные в круглые ярко-коричневые фанерные коробки. Особенно мне нравилась бархатная, черная, с ажурной вуалькой. Я вертелась перед старинным трюмо: «незнакомка» Крамского, никак не меньше.

А целый чемодан с нитками-мулине и мамиными незаконченными вышивками! Боже, это было несметное богатство! Как оно потом меня выручало на уроках труда. Чего только не было в этих многочисленных старых чемоданах, сундучках, потертых кожаных портфелях. Старые школьные тетради моей мамы и ее брата, подшивки журнала «Работница», начиная с пятидесятых годов, газетные вырезки, письма, огромное количество пуговиц, срезанных, наверное, еще с одежды бабушкиных родителей, пачки облигаций и прочая всевозможная мелочь.

Отдельной связкой лежали открытки с видами разных популярных черноморских курортов, где регулярно отдыхал мой дед, старый большевик, член партии с 1918 года, легенда и гордость нашей семьи. И, конечно же, фотографии! Были среди них и дореволюционные фото, с благообразными прабабушкой и прадедушкой, и снимки времен Гражданской войны. На одном из них мой дед – молодой красавец в кожаной куртке, и весь в портупее, и его товарищ постарше, в черной бурке и белой папахе – командиры Красной Армии. По крайней мере, так мне казалось и хотелось думать.

...Я все равно паду на той,
На той, единственной, Гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Булат Шалвович, единственное, что утешает, что мы с Вами заблуждались вместе. Но я отвлеклась.

Особую гордость у меня вызывала фотография 30-х годов, на которой дед был запечатлен в своем рабочем кабинете за огромным столом. Весь передний план занимал массивный письменный прибор, а сбоку – стопка бумаг и папок, поверх которой лежал внушительного вида револьвер, видимо, в качестве пресса. Один из приятелей моего брата, которому он с благоговейным трепетом эту фотографию показал, заметил, внимательно изучив знаки различия на воротнике гимнастерки деда, что они соответствуют современному званию «генерал-майор». Так ли это – не знаю, но акции деда в наших глазах значительно выросли.

На обратной стороне многих фотографий были трогательные надписи: «Моему дружку, Наденьке», «Моей любимой жене, Надюше». А одна запомнилась мне своим революционным пафосом и какой-то скрытой несурзностью: «Милый друг, Наденька! Бьем белых гадов день и ночь. Очень устал и соскучился. Твой муж Марк. г. Астрахань 1932 год» (число и месяц не помню).

– Бабуль, а каких белых гадов он бьет? Ведь Гражданская война кончилась в 1922 году? – спросила я, намереваясь блеснуть своими глубокими познаниями в истории СССР.

– Не знаю. Тогда много банд было, – удовлетворила бабушка мое любопытство.

Вот это да! Мой легендарный дед воевал с белобандитами. Надо будет поглубже залезть на антресоли. Может быть, где-то там хранится его боевая шашка, которую бабушка убрала от греха подальше.

Став старше, я узнала, что мой дед никогда не гонялся по бескрайним российским полям за врагами на боевом коне и не рубал их холодным оружием. В восемнадцатом он, бобруйский шестнадцатилетний подросток, прибавивший себе при записи в Красную Армию два года, попал в особый отряд при военно-революционной трибунале, судившим революционным судом дезертиров, мародеров и прочих несознательный элемент. Какие функции он выполнял в этом отряде – догадаться не составляло труда. Комиссаром, к моему сожалению, он не был. Всю свою последующую карьеру сделал на службе в НКВД. И уже в перестроечные времена я поняла, чем он занимался в Астрахани в 1932 году. В это время полным ходом шло раскулачивание волжских крестьян. Не знаю, была ли бабушка в курсе его дел, но, сколько себя помню, эту организацию под любым названием она, мягко говоря, недолюбливала.

Так вот, в одной из ее потертых женских сумок, ставшей хранилищем для различных пропусков, членских книжек и очередной пачки облигаций, мне попалась невзрачного вида потрепанная, пожелтевшая бумажка – свидетельство о рождении Бронштейн Нины Бенционовны, отец, мать такие-то. Дата рождения – 2 ноября 1902 года. Город Кишинев.

– Ба, а это чье?

– Мое.

– Как, твое? – Я была просто парализована от удивления. Прикоснуться к чужой тайне, узнать что-то такое о близком тебе человеке, чего не знают другие. Что может быть интереснее?

– Как твое, если тут фамилия другая и имя и отчество?

– Фамилия девичья. А имя и отчество мне посоветовал изменить дедушкин приятель, когда я устраивалась в «Кремлевку».

К тому времени я уже знала, что когда-то давно, до войны, бабушка работала ЛОР-врачом в Кремлевской больнице и лечила членов семей больших партийных и советских работников.

– Зачем?

– Ну, имя ему показалось несерьезным, а отчество – не соответствующим.

– Не соответствующим чему? – Наивно не унималась я.

– Времени, деточка. – Многозначительным тоном ответила она. – Многие так делали. Согласись, что Надежда Борисовна более ласкает слух простого советского человека, чем Нина Бенционовна.

– Да. И Левитина красивее, чем Бронштейн, – ничего не понимая, продолжила я.

– А главное – безопаснее...

– Как это?

– Катенька, ты знаешь, как настоящая фамилия Троцкого? Хотя, откуда?

В мои 12—13 лет фамилия Троцкий в поле моего внимания попала только один раз, при чтении культовой, как сейчас бы сказали, книги советской молодежи «Как закалялась сталь». Но меня в те годы занимали больше личные проблемы Павки Корчагина, чем его борьба с оппортунистами.

– Неужели он твой родственник? – По правде сказать, никаких серьезных негативных ассоциаций у меня фамилия Троцкий не вызвала. Откуда мне, девочке-подростку, было знать, сколько миллионов жизней было загублено из-за нее. О том, на краю какой пропасти стояла вся семья, я поняла по резкому ответу бабули, в котором смешались и страх, и презрение, так ей не свойственные.

– Ну, нет! Не дай Бог таких родственников!

С этого момента наши отношения изменились. Она перестала быть просто бабушкой, следящей за тем, чтобы ребенок вовремя покушал, сделал уроки, не проспал в школу. Она стала моим самым верным другом. Сколько ей было доверено детских тайн. А сколько я выслушала семейных преданий и историй. Вот только самой главной своей тайны Бронштейн Нина Бенционовна мне так и не открыла.

***

Необычный телефонный разговор продолжался, и голос в трубке спросил:

– Простите, а вас как зовут?

– А что, собственно говоря, вам нужно?

– Дело в том, что мы разыскиваем родственников Нины Бенционовны Бронштейн в связи с завещанием Самоэля Штокмана. Может быть, это имя вам знакомо?

– Нет, впервые слышу. И... что это за завещание? – Внутри у меня все задрожало. Не каждый же день и даже не каждый месяц тебе сообщают подобные новости.

– Давайте сначала кое-что уточним, а потом будем говорить о наследстве. Итак, вас зовут...

– Кремер Екатерина Михайловна.

– Вы утверждаете, Екатерина Михайловна, что Бронштейн Нина Бенционовна ваша бабушка?

– Да. Но это ее девичья фамилия. А по мужу она – Левитина. И имя, и отчество изменила на Надежду Борисовну.

– Да, все совпадает.

– Совпадает с чем?

– С нашими данными. Ваша бабушка жива?

– Нет. Она умерла около двадцати лет назад.

– По какой линии вы состоите с ней в родстве, по материнской или по отцовской?

– По маминой. А какое это имеет значение?

– Очень большое. – Многозначительно произнес голос. – У вашей бабушки были еще дочери, кроме вашей мамы?

– Нет. Был еще сын, мой дядя, – пояснила я.

– А у него есть дочери?

– Нет. Только сын, мой двоюродный брат.

– Ваша мама жива?

– Нет. Она умерла семь лет назад.

Этот допрос мне уже стал надоедать.

– У вас есть еще сестры?

– Нет. Только брат, старший. Еще есть вопросы? – как можно резче я постаралась прекратить разговор.

– Ну, что же, Екатерина Михайловна, мне жаль ваших братьев, но вы получаете единственной наследницей, так как состоите в прямом родстве с Бронштейн Ниной Бенционовной по материнской линии, и являетесь ее внучкой, а не внуком.

– Ничего не понимаю. Какая материнская линия? Почему именно внучка?

Дрожь по телу перешла в напряжение.

– Да вы не волнуйтесь. Таковы условия завещания. Главное, вас наконец-то нашли. Теперь осталось все документально подтвердить. Возьмите ручку, я продиктую список необходимых документов.

– Подождите, подождите. А этим вообще стоит заниматься?

– Стоит, Екатерина Михайловна, стоит.

– И о какой сумме идет речь?

– По телефону нам о подобных вещах не рекомендуется говорить, тем более без наличия необходимых документов. Но вас так долго искали... Если что, я вам ничего не говорил. Вы сидите? Лучше сядьте. Короче, сумма исчисляется в миллионах...

– ... рублей?

– Да нет. – Голос в трубке стал иронически насмешливым. – В банках Соединенного Королевства деньги хранятся в фунтах стерлингов, даже евро их не берет. Да, и еще имеется недвижимость в Европе и Южной Африке.

– ... в Африке? – Язык прилип к небу и никак не хотел от него отдираться.

– Вам плохо? – Голос стал участливым с переходом в смешок. – Смотрите, не заболейте от радости.

Господи! И как я сразу не догадалась, что это чей-то розыгрыш. Чья-то глупая, наглая, циничная шутка. Кто это?! Кто смеет так подлю смеяться над чужой бедой? Кому хочется пнуть побольнее? Храм души строишь?! Так без денег и духовный кирпич на место не встанет. И я тоже хороша. Уши развесила!

– Спасибо. Мне уже хорошо. У вас все отлично получилось, я поверила. Даже на стул села. Простите, но сегодня не первое апреля. – И нажала на телефонный рычаг.

Больше говорить я не могла, так как последний глоток воздуха цементным столбом застрял в горле.

– Ма-ам! – Послышалось откуда-то издалека. – Ты же обещала дать покушать. – Тряс меня за плечо мой единственный сын, пробежавший от компьютера к телевизору через малюсенькую прихожую нашей трехкомнатной хрущовки, где и обнаружил свою остолбеневшую мамашу.

Вот она, спасительная действительность! Конечно, конечно, троглодит мой подростковый, уже несущий. Какие, к черту, миллионы! Какая, к черту, Африка! «Не нужен нам берег Турецкий!» Я спокойна. Я ни на кого не обижаюсь. Так уже лучше: цемент превратился в желеобразную массу, и она постепенно вытекает из моего тела. Подумаешь, неудачно пошутили. А я неудачно поверила. Бывает.

Воздух свободно стал проходить через легкие. Вот только откуда это монотонное и до отвращения однообразное пиканье? Ах, это я держу в руках телефонную трубку.

Звонок от адвоката раздался сразу же, как только трубка оказалась на месте:

– Алло, Екатерина Михайловна! Я не шучу. Это правда. Слышите? Прав-да. Вы наследница огромного состояния британского миллионера Самозля Штокмана. Вас разыскивали больше десяти лет. Сейчас нужно как можно быстрее оформить документы. Наша фирма вам поможет. И... простите меня.

Как там кричал кот Матроскин: «Ура! Сработало!!!» И ведь, в самом деле, сработало! На это ушло шесть лет жизни. Шесть лет каждодневных размышлений, которые вначале раздирали душу кровоточащими вопросами «Господи, за что и почему именно меня?», потом сменились философскими аспектами самопознания «Кто я, и каково мое место в Божественной Вселенной?»», и, наконец, окончились прикладной парапсихологией: «Что я должна в себе еще изменить, чтобы жизнь стала прекрасной и удивительной?».

Что она становится удивительной – это бесспорно. Но с завтрашнего дня она станет еще и прекрасной!

Глава 2. Как славно быть женщиной!

– Так вам сорок шесть лет? – Ловлю на себе удивленно-восхищенный взгляд адвоката. – Вы выглядите значительно моложе!

Раньше я бы подумала: дежурный комплимент даме бальзаковского возраста. Ну, как еще может мужчина приободрить женщину, вступающую в пору умственного, духовного, эмоционального расцвета, с одновременным увяданием на физическом плане, что старательно маскируется любыми возможными способами? В ответ я бы кокетливо улыбнулась: «спасибо», проглотив горькую пилюлю разочарования. Потому что молоть языком по поводу моей внешности он может сколько угодно, но взглядом будет буравить молоденькую, глупую секретаршу, у которой ума, однако, вполне хватает на то, чтобы как можно выгоднее показать из-под короткой юбчонки свои ножки, а потом «раскатать» его на... Вот тут у каждой свои варианты. Но я отвлеклась.

Да, дружок, знаю, я действительно выгляжу моложе своих лет. И не потому, что не ощущаю своего возраста. В этом нет ничего особенного, большинство нормальных людей скажет о себе то же самое. Я не вижу его в зеркале! И дело не в чудесах современной косметологии, не в умелых руках мага пластической хирургии, не в фитнесе или СПА-удовольствиях, правильном образе жизни и питания и прочих модных забавах. Мне, как жене бывшего «нового русского», они просто не по карману. Но время в отношении меня как будто замедлило свой ход. Хотя я не продавала душу дьяволу, как это описано у классиков мировой литературы.

Но, Боже мой, какой это кайф при встрече с давней знакомой, с которой не виделись со времен падения Берлинской стены, услышать: «Ой, Катька, как ты здорово выглядишь! Как будто законсервировалась, ни морщинки, ни жиринки. А я совсем распустилась. Да и времени нету за собой следить. У меня ведь...» Далее следует длинный перечень проблем и забот с детьми, мужем, работой, родителями... Можно подумать, у меня их нет! Поэтому вторая часть встречи менее приятна, тем более что заканчивается она банально-завистливым предположением: «у тебя, наверное, муж хорошо зарабатывает, или любовник богатый».

Да нет у меня ни того, ни другого. И дело совсем не в деньгах. Ну, не рассказывать же ей на улице, что все ее проблемы созданы ею же самой, ее мыслями и эмоциями. Ты для начала приходи ко мне лекцию. Потом, если понравится, на занятия, где я подробно расскажу и научу, как правильно мыслить, чтобы остаться молодой и стать счастливой, короче – как изменить свою судьбу. Не веришь? А что же ты тогда восхищаешься моей молодостью, моей фигурой? А, тебя интересует, как лично у меня с счастьем и деньгами? Еще вчера я бы тебе ответила «спасибо, хреново». А сегодня: «Да вот, иду наследство оформлять в пару миллионов фунтов стерлингов». Теперь веришь? Но я отвлеклась.

Любезно-внимательный адвокат продолжал:

– Ну, что же, Катерина Михайловна, документы в полном порядке. Мы их переведем, заверим нотариально и отправим в Лондон для подтверждения. Теперь я могу ознакомить вас с содержанием завещания. Вас ведь, бесспорно, интересует сумма?

Я, молча, кивнула, проглотив комочек в горле.

– Речь идет ... – Он сделал эффектную паузу. – О ста миллионах фунтов стерлингов.

Тут меня качнуло на стуле. Но сидевший напротив человек уже был готов к подобной реакции и, живо перегнувшись через стол, успел схватить за плечи.

– А вы ничего не перепутали? – Спросила я, ополовинив стакан воды, и все еще сомневаясь, что правильно расслышала сумму.

– Нет, Катерина Михайловна, я за свои слова отвечаю.

– Тогда объясните мне, кто такой Самоэль Штокман и почему он оставил свое состояние моей бабушке, вернее, ее потомкам по женской линии? А если бы у бабушки были только сыновья? Или я, допустим, родилась бы мальчиком?

– Тогда бы вы ничего не получили. Молитесь Богу, Екатерина Михайловна, что вы женщина. Молодая, привлекательная, а теперь еще и богатая, что значительно увеличивает вашу привлекательность.

Шутник! А ведь когда-то, в детстве, а еще больше в юности, я очень жалела, что родилась девочкой. Мне казалось, что быть парнем значительно проще и легче. Подумал – сказал. Захотел – сделал. Понравилась девочка – пригласил на танцы или в кино. Захотел жениться – сделал предложение. Ну и что, что отказала, а ты добивайся, на то ты и мужчина. У тебя есть право, дарованное Природой, обществом, воспитанием, на открытую реализацию своего выбора. Мне же всегда не хватало возможности сказать и сделать то, чего я хочу, именно по причине моей принадлежности женской половине человечества.

Сколько дум было передумано, сколько слез пролито: сказать – не сказать, позвонить – не позвонить, подойти – не подойти. И все это на фоне жутких комплексов, связанных с внешними данными. В отрочестве и юности я была самым настоящим «гадким утенком» и сделала себя только к тридцати годам. Мне всегда были непонятны слова, сказанные от лица мужчин «...только тех мы женщин выбираем, которые нас выбрали уже...» Сколько бы не выбирала я, меня не выбирал никто. Даже, думала, старой девой помру.

Это теперь я такая умная и знаю, почему мне выпала такая судьба, и что я должна была своими переживаниями отрабатывать, какие кармические узлы развязывать.

Кстати, об уме. Я никогда не считала себя умственно отсталой. Наоборот, была образованной и в меру начитанной девочкой. Но мне всегда не хватало каких-то внутренних знаний. Я поражалась тому, что мои сверстники знают про эту жизнь значительно больше меня, как бы изнутри чувствуют, как вести себя в той или иной ситуации, что сказать, как ответить. А мне требовалось время на обдумывание, из-за чего я нередко попадала в неловкое положение и казалась окружающим и себе самой глупее, чем я есть на самом деле. А сколько крови выпил у меня муж, стремясь, как он выражался, добиться от меня совершенства. До посинения доводил своими замечаниями и вечным недовольством от моего, дескать, неумения вести себя в разговоре с нужными людьми.

А потом все изменилось. Не вдруг и не сразу. Постепенно. Это произошло после того, как я... Нет, не сделала нейрохирургическую операцию и не добавила себе еще одну извилину. С высоты сегодняшних знаний я бы назвала это так: произвела замену жизненной установки. Причем тогда, шесть лет назад, я понятия не имела об НЛП, то бишь о нейро-лингвистическом программировании, о психической или психотропной энергии, не посещала семинаров по парапсихологии, био- или космоэнергетике. Я была не просто далека от этого. Я была очень далека. Эти знания находились от меня на другом полюсе, другой планете. Мы существовали в разных галактиках.

На самом деле, все началось с того момента, когда я стояла у большого зеркала в недавно купленной и только что евроотремонтированной квартире, примеряя наряды к завтрашнему дню рождения. Это было то незабвенное и благословенное время, когда единственной серьезной проблемой, занимавшей меня, было договориться с мужем, где провести отпуск, ему очередной, а мне третий за год. Поехать ли к родственникам в Израиль и побродить по святым местам, или прогреть свои косточки на турецком пляже. Это вчера мне не был нужен турецкий берег, а тогда очень даже хотелось.

Багамы и Канары не рассматривались, так как уровень еще не позволял. Но через годик-другой, глядишь, освоим и этот маршрут. Кто же тогда мог предположить, что 17 августа 1998 года разобьет не только мои планы, но и всю жизнь? Кто тогда знал это гнусное слово

«дефолт»? Я лично – нет. Поэтому беспечно крутилась перед зеркалом, подбирая к только что купленному вечернему платью серьги, браслеты, кольца и другие необходимые атрибуты из золота и бриллиантов, подтверждающие наше неуклонно растущее благосостояние, а также служащие эквивалентом любви мужа к жене.

И вдруг такая вот мысль шальной пулей пробила голову на вылет: «Мне сорок! При чем мне *уже* сорок! А Пашке – *только* сорок!». Мы с мужем ровесники, я на две недели его моложе, но когда мы поженились, а нам тогда было по тридцать, мне казалось, что он старше меня на целую вечность. Он знал про эту жизнь абсолютно все. Но при этом ему всегда будет «только», а мне «уже».

Мысль не нова и банальна, но каждой женщине, сталкивающейся с ней, приходится переживать по своему связанный с ней душевный кризис. Лично я закапризничала: «не хочу, не хочу стареть!» Настроение упало, новое платье уже не радовало, бриллианты сразу потускнели. В ту же секунду вспомнилась хрестоматийная пушкинская злая мачеха, рефлексирующая на аналогичной проблеме. «Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи». Докладываю: на голове полно седых волос, под глазами сеточка из морщин, на животе и бедрах лишние жировые отложения... Хватит, хватит, достаточно!

Эта мысль про «только» и «уже», про вторую половину жизни и жизненный перевал назойливой мухой свербела в голове. Я даже стала наблюдать за мужем, не провожает ли он взглядом встречающих молодых девушек, не блестят ли у него глазки при виде смазливих мордашек. Но, слава Богу, ничего такого замечено не было. И хотя отношения у нас с Павлом были непростые, отдавать его кому-то лишь из-за того, что ему «только», а мне «уже», совсем не хотелось.

Но, оказалось, я смотрела не туда. Самый болезненный удар я получила там, где меньше всего ожидала. «Женщина! Вам чего?» обратилась ко мне продавщица в магазине. «Женщина» – а ведь совсем недавно была «девушкой». Конечно же, я решила сесть на диету, пойти в спортзал, к косметологу, к парикмахеру, куда угодно, лишь бы... Вот это самое «лишь бы» не давало мне покою, оно просто терроризировало меня взрывами душевного дискомфорта. А какое самое лучшее лекарство от неприятных мыслей? Правильно. Любое, только вкусное. Итак, знакомой тропой – к холодильнику. Но поглощение чего-то, пусть даже очень вкусного, без сопровождения телевизора, занятие пресное, тупое и бессмысленное. А что у нас по телику?

«Зачем стареть? С годами мы мудреем, а не стареем!» Кто это сказал, в какой передаче – хоть убей, не помню. Но за эту случайно услышанную в ящике фразу я ухватилась как за спасательный круг. Я вдохнула ее как глоток живительного воздуха. Я надела ее как платье, которое оказалось мне совершенно впору и своим удачным фасоном и покроем скрыло все дефекты нескладной фигуры.

«С годами я не старею, а мудрею!». Это вошло в меня как естественный ход времени, как закономерное природное явление, как бесспорная аксиома. «Я не старею, а мудрею!». Эта мысль оказалась паролем, ключом от дверей судьбы. Через несколько лет, анализируя все последующие события своей жизни, я поняла, что именно эти слова запустили сложный механизм получения и реализации очень важных знаний.

«Я не старею» – и время для меня остановилось.

«С годами я мудрею» – и где теперь та наивная девочка-женщина? Кто бы мог подумать, что я стану читать лекции, вести семинары по проблемам кармы? Что к моему мнению будут прислушиваться, просить совета?

Эти слова – «с годами я мудрею» – дали мне возможность открыть свой канал информации и получить систему проведения кармических регрессий, с помощью которых мне позволено докапываться до истоков самых сложных человеческих проблем. А начинала я, естественно, с себя, изучая свои прошлые жизни и развязывая многочисленные кармические узлы.

При этом выяснилось, что моя наивность, незнание житейской мудрости связаны с тем, что в своих прошлых многочисленных воплощениях я почти никогда не доживала до преклонных лет, погибая, как правило, насильственной смертью в молодом возрасте. И эта жизнь – первая, в какой я вплотную прикоснулась к вопросам духовности и самопознания.

Но я отвлеклась от очень интересного разговора.

– Кто такой Самоэль Штокман, я не знаю, – вещал адвокат, – но наследник по его завещанию мы разыскиваем больше десяти лет. В архивах рылись, неоднократно давали объявления в газетах – все безрезультатно. Вы, Екатерина Михайловна, на них не откликались. При советской власти было проще: все дела по заграничному наследству шли через одно ведомство, объявления давались только в одной газете, наутро вся страна знала «счастливчика». Сейчас времена другие... Но, на ваше счастье, лондонский душеприказчик изменил тактику и стал давать объявления о розыске вашей бабушки в русскоязычных газетах Израиля, США и Германии, что и дало результаты. Некоторое время назад нам переслали письмо из Дюссельдорфа от некоего Фридмана Евгения Моисеевича, который сообщил, что является двоюродным братом разыскиваемой. От него-то и стало известно, что фамилию Бронштейн она сменила на Левитину, выйдя замуж. А также изменила имя и отчество на Надежду Борисовну. Остальное было делом техники.

Ну, как же, рассказывай, техники! Тогда в 98-м нам пришлось отдавать все: и новую шикарную квартиру в генеральском доме на «Соколе», и недостроенную дачу под Москвой, и обе машины: Пашкин джип «Тойота Ландкраузер» и мой «Фольксваген Гольф». И все мое золотишко. Ах, как же я любила эти сверкающие знаки благополучной жизни. Но после всего – как отрезало. Тогда же очень остро встал вопрос о продаже бабушкиной квартиры в Кузьминках. И тут я встала грудью – насмерть. Расстаться с бриллиантами было болезненно жалко, но остаться без крыши над головой – ни за что! Муж сначала активно настаивал, а потом сник. Видимо посчитал, что те гроши, которые мы за нее получим, нас не спасут.

И дело тут не в технике, а в судьбе, в желании ее изменить. Если бы в те страшные времена я уступила бы Павлу, что бывало почти всегда, то никакой бы «техники» не хватило пройти цепочку женских судеб с замужествами, разводами, переездами, чтобы в конце ее отыскать некую Екатерину Михайловну Кремер, наследницу невесты откуда взявшихся миллионов. Да, трудное условие ты поставил моей судьбе, Самоэль Штокман.

Глава 3. Полет из мечты в явь

Ответ из Лондона задерживался. Как объяснял мне московский адвокат, одна юридическая процедура сменяла другую. Все это время я жила как во сне. С одной стороны, искренне хотела положительного исхода, а с другой – его же и боялась, с третьей – отбивалась от тревожных мыслей, что вся эта затея с наследством чья-то сложная игра, в которую меня втянули по непонятно какому признаку. Даже перечитала «Союз рыжих» Конан Дойля. Но никакой «рыжины» у себя, как ни старалась, не обнаружила.

Но такой душевный дискомфорт я позволила себе ненадолго. Иногда нужно дать своим эмоциям волю поиграть, чтобы выяснить причину их возникновения, которая не всегда лежит на поверхности. Главное, держать весь процесс под контролем. Это сложно, но возможно. Что делать потом с тревогами и страхами? Только не держать их в себе, а научиться отпускать, работая с причиной. Иногда процесс излечения занимает длительное время. Но в данном случае хватило одного слова Наставника. Мне сказали «Жди».

Как сказали? Да очень просто. Важно уметь слушать свое подсознание, какой путь оно тебе предложит для получения ответа. У меня появилась острая потребность пойти прогуляться. Прогулка – это своего рода транс, когда идешь и ничего вокруг не замечаешь, а только слышишь мысли внутри себя. Сложность в том, чтобы свои собственные мысли отличить от тех знаний, которые к тебе идут с Другой Стороны. Но это приходит с опытом. Речь идет именно о знаниях, а не о голосах. Все, что связано с голосами, это уже, как говорят врачи, клиника, шизофрения, требующая обращения к соответствующему специалисту.

Часто лаконичного ответа мало, и надобно еще и еще «копать». Но в этот раз рекомендации «жди» мне хватило, страхи ушли. И пришло спокойствие, а с ним и терпение.

И все же столь ожидаемый звонок раздался, как всегда, неожиданно.

– Здравствуйте, я могу говорить с миссис Кэтрин Кремер? – На чистейшем русском языке с небольшим приятным акцентом спросил меня приятный мужской голос.

– Да. Это я.

– Добрый день, миссис Кремер. Меня зовут Максимилиан Ландвер. Я адвокат и веду дела по розыску наследниц Самоэля Штокмана. – Очень четко, без эканья и меканья, произнес он.

Так, началось! Что-то мне все это не нравится, – подумала я. Видимо, подозрения перевесили надежды.

– Здравствуйте! Вы не могли бы еще раз повторить, кто вы?

– Адвокат, Максимилиан Ландвер. Я звоню вам из Лондона.

– Вы англичанин или эмигрант?

– Я – подданный Ее Величества и пребываю в этом качестве всю жизнь. А почему вас интересует мое гражданство? Разве это имеет отношение к наследству?

Мое ухо резануло то, как он произнес свое имя и, особенно, слово «Лондон». У него оно звучало точно так же, как у любого русского человека.

– Не дурите мне голову! Я не люблю глупых шуток! – Стала я возмущаться. Ничего, пускай не думают, что на дурочку навались.

– Я не шучу.

– Вы бы хоть для виду акцент себе усилили.

– А-а! Вам не нравится мой русский?! Хорошо. – И он затараторил по-английски. С этим языком проблем у него не было, как и с русским. По крайней мере, мой слух не уловил в нем никаких акцентов.

– Ладно, ладно, господин адвокат, убедили, – прервала я его.

– А как у вас с английским? – Вежливо поинтересовался он.

– Не есть очень хорошо. – Съерничала я.

– Тогда, миссис Кремер, вам придется терпеть мой русский. Я звоню, чтобы сообщить, что все юридические формальности улажены, и вы признаны законной наследницей Самоэля Штокмана. Мои поздравления. Но для вступления в свои права, вам необходимо прибыть в Лондон. Мне бы хотелось уточнить время вашего приезда...

И все завертелось: виза, билет, деньги на карманные расходы... Адвокат работал, как часы.

– Миссис Кремер, я хочу поставить вас в известность, что в прессе появились сообщения о вашем счастливом обнаружении. – «Он еще шутит!» – мелькнуло вначале у меня в голове. Но мистер Ландвер продолжил извиняющимся тоном – Утечка информации произошла из посольства. Меня уже атакуют по вашему поводу. Может быть, вы хотите выступить с заявлением?

– Нет, нет, что вы!..

– Окей. Тогда сделаем так...

И вот я лечу в новую жизнь. Меня рады приветствовать на борту лайнера Британских авиалиний. Рядом респектабельные господа, говорящие по-русски, почти все в сопровождении молодых, очень интересных женщин. Кто они, меня мало интересует. Я давно приучила себя никого не обсуждать. Каждому – свое. Вот только как они одеты! Какой стиль! Как будто на каждой, даже на самой малюсенькой вещичке, огромными буквами написано: «фирма, фирма, фирма», с ударением на последнем слове. А на мне: «Турция. Вещевой рынок «Кузьминки», с ударением на меня. Зачем я позволила себя уговорить лететь бизнес-классом? Теперь вот сижу и комплекую.

Когда закончится эта суета? Прохладительные напитки, горячительные напитки, пресса, ланч. Кажется, все стихло. Можно расслабиться.

Закрываю глаза и вижу перед собой лицо Нины.

Бабушка, бабулечка, родная моя. Я всегда знала, что ты рядом со мной. Помнишь, в самом начале моих эзотерических изысканий, когда я увлеклась методом Хозе Сильвы, группе, в которой я занималась, предложили создать себе помощников из Тонкого мира? Согласно методикам, нужно представить в своем воображении близких или хорошо всем известных людей, актеров, политиков. Одно из главных условий – эти люди должны вызывать полное доверие, так что политики отпадают сразу. Мне не надо было ничего специально придумывать – я сразу увидела тебя.

Преподавательница, спокойная и доброжелательная женщина, подробно объяснявшая кому-то, почему у него не получается, подойдя ко мне, сказала:

– Я вижу рядом с вами очень светлое существо.

– Это мой ангел-хранитель? – С замиранием в сердце спросила я.

– Нет, это душа умершего человека, очень тесно связанная с вами кармически. Вы знаете, кто это?

– Да. Это моя бабушка.

– Сейчас проверим. Как ее звали?

– Надежда.

– Нет, это не она. Свет сразу потускнел.

– Не может быть. Я же отчетливо представляю ее. Ой, как же я забыла, ей при рождении дали другое имя – Нина.

– Да-да, именно так. Вы знаете, она что-то хочет от вас. У вас какие были отношения?

– Доверительные.

– Замечательно. Но, может быть, между вами были ссоры, конфликты? Вспомните. Думаю, вам надо просить у нее прощения. Очень светлая душа и бережет вас, как может.

Но как же без конфликтов? Конечно, были. Просто я не придавала им большого значения, ведь я же любила тебя, бабушка, а ты меня. Подумаешь, что-то не так сказала, не так ответила, не позвонила, не зашла. Я же молодая была: институт, зачеты, экзамены, курсовые, иногда свидания. Конфликты отцов и детей – закон естественного развития человечества. А вот по кармическим законам, оказывается, ничего естественного в этом нет.

И я просила... просила прощения, как могла.

Нина. Первый этюд в революционных тонах

Согласно эзотерическим учениям, первые 7 лет своей жизни ребенок отрабатывает карму за свои прошлые воплощения, потому что за эту еще ничего не успел совершить. Если так, то Нина отработала ее сполна. Может быть, поэтому оставшуюся жизнь она прожила светло и красиво, находя в любой ситуации правильное решение, что позволяло ей справиться с каждодневными проблемами и даже отвести беду, которая в те страшные времена стучалась во многие двери, но ее порога так и не переступила.

Она родилась в конце 1902 года в Кишиневе. Тот, кто хотя бы немного знаком с историей Государства Российского, это время сразу охарактеризует двумя словами: «кишиневский погром». Какое это отношение имеет к полугодовалому младенцу? Самое прямое.

Мне трудно описывать события того времени, не только потому, что я не очевидец, но и потому, что бабушка, непосредственный их участник, знала о них тоже только со слов родителей, и мне передавала их ощущения и переживания. Хотя современному человеку, не славянской внешности, эти ощущения близки и понятны. Тогда, как и сейчас, по улицам не бегали вооруженные люди и не кричали: «Граждане, евреи. Мы вас завтра будем немножко резать, поэтому разбегайтесь, кто куда может!». Нет. Ситуация зрела постепенно, исподволь, умело нагнеталась при полном попустительстве властей, и в один прекрасный день грамотно проведенная провокация вылилась в кровавую бойню.

А евреи все это время решали один и тот же вопрос, тот самый, какой решали и их предки, и предки их предков, а в дальнейшем и мы: «ехать или не ехать?». Куда? Да все туда же: на землю обетованную, в Палестину или в Америку. Но в те времена был еще один вариант: в ближайшие еврейские местечки – Бендеры, Бельцы, Сороки. А кто-то решил остаться, боясь за нажитое имущество и надеясь на русский авось. Но не пронесло.

Мои прабабка и прадед ушли из города, можно сказать, в последнюю ночь перед началом погрома. И не потому, что они были без царя в голове и не понимали всего ужаса надвигающейся беды, а потому что полугодовалая Нина заболела воспалением легких. Брать с собой в дорогу означало ее верную смерть, а оставаться – смерть всей семье.

Но тут без Провидения не обошлось. Соседка, русская женщина, уговорила родителей оставить девочку у нее, пока все успокоится. У нее младший уже подрос, и она может в люльку вместо него положить Ниночку. И выходит ее, своих-то сама лечила, и ничего, все живы-здоровы. Представляю, с каким сердцем покидали они город, как молились за свою дочь, за свою первенькую, прося у Бога сберечь ей жизнь. Представляю смелость этой женщины.

Потом им рассказывали, что в их дом неоднократно врываются вооруженные люди, круша и грабя все, что попадалось под руку. В надежде найти «пархатых жидов» рыскали по соседям, осматривая сараи, залезая под пол и на чердаки. В такие моменты соседка только крепче прижимала к себе крохотную девочку и подсовывала ей свою грудь. Смерть дважды обошла Нину. Она не погибла ни от болезни, ни от руки убийцы.

После тех страшных событий Бенцион, мой прадед, поставил перед собой цель, во что бы то ни стало перебраться из Кишинева в Москву. Как и сейчас, дело это было непростое и хлопотное. Следовало решить самый сложный вопрос: как обойти препятствие, главное для всех евреев Российской Империи – черту оседлости. Был найден надежный легальный способ: получить профессию, с какой евреям дозволялось селиться в столицах. Бенцион решил выучиться на зубного техника.

Не знаю, по каким причинам именно на него, может быть, это было дешевле, а может, потому, что этой профессии можно было обучиться в Кишиневе, не уезжая далеко от семьи, которую он должен был кормить. Но ясно одно: делать зубные протезы он не собирался. Дело

в том, что его старшая сестра удачно вышла замуж, за фабриканта, владельца ткацкой мануфактуры, что позволило Бенциону заниматься продажей тканей у себя в лавке и оптовыми поставками по всему городу и в ближайших местечках.

Весь процесс обучения новой профессии и бумажная волокита заняли восемь лет, поэтому только в 1911 году семья наконец-то переехала в Москву. Поселились на Волхонке. А в 1912-м году бабушка с родителями была в толпе ликующих москвичей, которые приветствовали на улицах города царскую семью, прибывшую в старую столицу для празднования столетия Бородинской битвы. Как же я любила у нее расспрашивать, как выглядели царь с царицей, их дочери, во что они были одеты, в какой карете ехали, какая их сопровождала свита.

Училась она в настоящей гимназии, в одном классе с настоящими княжнами. Была отличницей. Но что особенно умиляло ее родителей, так это терпимость преподавателей школы и ее соучениц к иному вероисповеданию. Она ведь была единственной из класса, кто не посещал урока Закона Божьего, то есть, не ходила в церковь. И ни у кого это не вызывало раздражения или непонимания.

В Москве Бенцион продолжил делать то, что у него хорошо получалось в Кишиневе, то есть, торговать тканями. Но для отвода глаз в доме был оборудован зубопротезный кабинет. На новом месте торговля пошла бойко, спрос на бессарабские ткани оказался хорошим, и он занялся оптовыми поставками. В лавку взял работать дальнего родственника, выписанного из родного местечка. И такая, в целом спокойная и обеспеченная жизнь продолжалась бы до бесконечности, если бы не революция. Сначала одна, а потом другая.

Для еврея не имеет значения, какая она – буржуазная или социалистическая. Он страдает одинаково первым как при той, так и при другой. Наступили времена, которые уже однажды были пережиты, с той лишь разницей, что детей теперь было четверо. И извечный вопрос был решен в пользу «не ехать». Правда, лавку пришлось закрыть, тем более что родственник куда-то пропал.

17-й год кое-как пережили, а в 18-м пришла настоящая беда. Несмотря на войну, хаос, неразбериху, люди всегда приспосабливаются и пытаются выживать. Когда мне бабушка рассказывала, что ее отец ходил на вокзал, чтобы встречать вагон с товаром, я искренне удивлялась, потому что по моим представлениям в те времена по российским железным дорогам ходили только эшелоны с мешочниками, солдатами и бронепоезда. Но оказалось, что не совсем оно так.

Расторопный компаньон умудрялся переправлять партии товара для продажи в столицу. Но лучше бы он этого не делал. Потому что там, на вокзале, Бенцион встретил знакомую по Кишиневу, которая прибыла в Москву в поисках своего мужа, сбежавшего от нее несколько лет назад. Он привел ее в дом на ночлег. Утром женщина ушла, а через несколько дней домашние заболели брюшным тифом. В результате выжили все, кроме Бенциона. Семья, привыкшая к достатку, потеряла кормильца.

А вскоре пришлось пережить еще один удар, может быть, не такой болезненный, как смерть близкого человека, но весьма ощутимый. Дело в том, что осенью 17-го года Бенцион, предвидя более смутные времена, припрятал все имеющиеся в семье ценные вещи. А когда тайник после его смерти нашли и открыли, в нем ничего не оказалось.

Я всегда удивлялась, почему бабушка не носит серег, брошек, почему у нее нет даже обручального кольца. Она ссылалась, как правило, на время и среду, в которой жила. Но однажды рассказала печальную историю о пропавшем кладе и о том, что дала себе слово никогда не носить драгоценности и деньги на них не тратить. Ее невестка, жена моего дяди, придя к ней в дом, говорила ей в лицо, не скрывая возмущения: «Я думала вы, евреи, богатые, на серебре едите. А у вас одни книги...»

Про бабушкину нелюбовь к драгоценным побрякушкам я вспомнила, когда сама лишилась их в одночасье. С тех пор я, как и она, их не ношу.

Но тогда, в том далеком 18-м, на плечи бывшей гимназистки, избалованной любовью отца, легли все заботы по содержанию семьи: матери и ее родителей, а также младших братьев и сестры. А еще надо было учиться.

В 17-м революция, принесшая в основном беды, страдания, смерти и потери, дала, чтобы «подсластить пилюлю», несколько послаблений. Одно из них – возможность женщинам получить высшее образование. И Нина, одна из лучших учениц в классе, этим воспользовалась, поступив в восемнадцатом в Московский университет на медицинский факультет.

К 21-му году материальное положение семьи несколько улучшилось, младший брат Эммануил, погодок Нины, обладавший неумной энергией и организаторскими способностями, подкрепленными неоконченным гимназическим образованием, стал делать головокружительную карьеру в недавно созданной молодежной организации и вскоре стал одним из секретарей Рогожско-Симоновского райкома комсомола. Должность по тем временам, да и по временам моей юности, не маленькая. Он был среди тех, кто организовывал одно из последних публичных выступлений Ленина в Москве. Нина, ни в каких организациях никогда не состоявшая, на этом митинге присутствовала, как сказали бы в наши дни, по большому благу.

Господи! Сколько у меня, девчонки, было гордости за нее – она видела живого Ленина! А сколько гордости за себя – это же моя бабушка видела живого Ленина!

– Бабуля! Ну, а какой он был? – Живо стала интересоваться я у нее, когда впервые узнала о таком знаменательном и волнующем событии в ее жизни.

Она пожала плечами:

– Невзрачный. – А потом спохватилась. – Небольшого роста, и очень болезненный на вид.

Там же, на митинге, брат познакомил ее со своим новым приятелем Марком Левитиным, прошедшим всю Гражданскую войну и сейчас направленным на учебу в Москву. Тот проводил Нину домой, а потом стал частым гостем в их семье.

Из рассказов бабушки я поняла, что мой будущий дед сразу произвел на нее неизгладимое впечатление. Во-первых, революционная романтика, в ее глазах поднимавшая его на заоблачную высоту, а во-вторых, фанатичная преданность идеалам революции вполне гармонично в нем уживались с житейской практичностью, в коей любая женщина видит надежный фундамент для создания семьи.

Люди всегда живут надеждами на лучшее, но в те годы эти ощущения, наверное, было острее. Потому что на глазах рушились целая эпоха, великая Империя, вековые традиции. И неважно, что вместе с ними уходило что-то хорошее и светлое, – хотелось верить, что настоящему светлое и хорошее может быть только впереди.

Моему поколению тоже «посчастливилось» жить в эпоху перемен. И я сама подобные ощущения испытывала в 91-м, когда посылала мужа к Белому Дому. Тогда тоже все рушилось. На глазах разваливались Империя и строй, которые еще вчера казались вечными и несокрушимыми. И верилось, что завтра, в крайнем случае, послезавтра, наступит эпоха полного и всеобщего счастья. Конечно, если сравнивать с теми временами, то мы отделались легким испугом.

А они в двадцатых, в отличие от нас, циников и прагматиков, были куда более наивными и жили этой верой в светлое будущее, и готовы были отдать за него жизнь. Мой дед, в сущности, так и поступил. Село, в котором его отряд остановился на ночлег, было атаковано белополяками. Вместе с другими красноармейцами он попал в плен. Их сначала зверски избили, а потом расстреляли. Дед остался в живых благодаря двум обстоятельствам: во-первых, в то время не практиковали контрольного выстрела в голову, и его закопали раненого, и, во-вторых, сразу после расстрела село на время было отбито у поляков. Когда расстрелянных откопали, дед оказался единственным, кто выжил. Этот трагический эпизод сказался на всей его

дальнейшей жизни сильнейшими головными болями и последующим развитием заболевания спинного мозга, от которого он и умер, прожив чуть больше пятидесяти лет.

Но в конце двадцатых этот поступок, делавший его героем в глазах окружающих, а затем и нас, его потомков, стоил ему десяти лет борьбы за свои права. Дело в том, что в эти годы началась формироваться система определенных социальных льгот, и первыми, кто, по мнению партии, их заслуживал, были старые большевики. Была определена пограничная дата: кого таковыми считать, а кого нет. Этим водоразделом стал 1918 год. Дед вступил в партию в 1917 году, будучи гимназистом реального училища. Но в том плену партийного билета, конечно, лишился. И повторно вступил в ряды строителей коммунизма только после излечения в 21-м.

Он не смог смириться с тем, что его преданность делу мировой революции не будет оценена по достоинству, и десять лет жизни потратил, на поиск того человека, который в 17-м его принимал в партию, и того командира Красной Армии, отряд которого его спас, выкопав из расстрельной ямы. А затем, получив их письменные свидетельские показания, добился признания себя старым большевиком.

Но об этом я узнала много позже, когда после смерти бабушки перебирала ее бумаги, как когда-то в детстве, и обнаружила папку с черновиками дедовских писем в различные высокие инстанции с просьбами рассмотреть его вопрос. Писем и инстанций было много. Эти бумаги бабушка почему-то прятала. Наверное, не хотела, чтобы своего легендарного деда мы считали обыкновенным сутяжником.

А тогда, в январе 24-го они вместе отстояли сутки в очереди, чтобы проститься с Лениным. И Марк согревал ее, как мог, в тот страшнейший мороз. И именно там, в той скорбной очереди, они решили пожениться. Представляю, как трудно было им прятать свои счастливые глаза. Но что поделаешь, если их связало дело, а потом и тело Ленина?

В 25-м Нина закончила не Университет, куда поступала в 18-м году, а Медицинский институт. И очень скоро дед, успешно продвигавшийся по служебной лестнице, устроил ее на работу в Кремлевскую больницу.

В начале тридцатых из НКВД его перевели в аппарат ЦК ВКП (б), в отдел печати, а в 37-му году он уже занимал должность заместителя начальника отдела кадров этого самого ЦК. Его непосредственным начальником был человек по фамилии Мехлис. Где-то я читала, что комиссара Льва Мехлиса, фанатика и крючкотвора, побаивался даже сам Сталин. И не зря. Потому что в то время, как известно, «кадры решали все».

Но мой дед, видимо, не до конца понял и прочувствовал этот главный большевистский тезис, так как выяснилось, что именно с его разрешения на работу в хозяйственное управление ЦК партии на должность электрика, был принят некто, допустим, Иванов, брат врага народа. И совсем не имело значение, что врагом его признали через полгода после того, как его брат благополучно отработал на столь ответственной должности. Товарищ Левитин не проявил подобающей бдительности, не усмотрел замаскировавшейся гниды, не прорыл носом землю на положенную глубину. Так или приблизительно так должны были клеймить своего соратника сослуживцы на партийном собрании, посвященном разбору его личного дела. Дальнейшая судьба товарища Левитина была всем очевидна.

Но в последний момент, как и тогда в 18-м, судьба решила только погрозить пальцем. Собрания не состоялось, так как после эмоционального разговора со своим начальником, дед тяжело заболел. Сказались последствия травм и ранения, у него отнялись рука и нога. И пока он валялся по больницам, человеческая мясорубка закрутилась такими бешеными оборотами, заглатывая все новые и новые порции людского материала, что судьба одного человека уже мало что значила. О нем просто напросто забыли. Мясорубка его отгрынула. Те, кто должен был клеймить, сами оказались в числе врагов, а их начальник, комиссар Мехлис, выискивал все новых.

Деду повезло, он остался жив, не был репрессирован, не говоря уже о более серьезных последствиях – в отличие от своего друга и бабушкиного брата Эммануила Бронштейна, которому из-за его фамилии вменили в вину близкие связи с Троцким со всеми вытекающими последствиями. Дед превратился в никому не нужного инвалида. Правда, семья оставалась по-прежнему жить в престижном доме ЦК в Староконюшенном переулке на Арбате, и, стало быть, каждую ночь со страхом ожидала, как и все остальные жильцы, к какому подъезду подкатят черные машины, на каком этаже оборвутся торопливые шаги, в чью дверь постучат. И когда в очередной раз беда проходила мимо, с облегчением вздыхали, стараясь не думать о следующей бессонной ночи.

Но если судьба пощадила деда, сделав так, что его вычеркнули из памяти фанатичных изуверов, то сам он с таким положением мириться не хотел и всеми способами стремился доказать, что он чист перед партией, предан ее делу и лично товарищу Сталину. Он стал писать письма своим партийным соратникам, с которыми был близко знаком по работе в НКВД и ЦК, и достигшим к тому времени высоких чинов. Бабушка называла много фамилий, я запомнила только две, бывшие на слуху, Жданов и Меркулов.

Как настоящий чекист-профессионал, он был прекрасно осведомлен какими путями и через сколько инстанций проходит корреспонденция до таких адресатов. Но он также знал, как эти инстанции обойти. Для этого он использовал бабушку, которая лично должна была передавать письма, где он назначал секретные свидания своим бывшим коллегам, дабы с глазу на глаз убедить их вновь ему поверить. Может быть, другая женщина на ее месте и выполнила бы беспрекословно его поручения, охваченная единым порывом доказать его невиновность, но только не Нина.

Ее трезвый ум и рассудительность подсказывали ей, что ничего никому передавать не нужно. Поэтому дед часами мог ожидать своих «друзей-соратников» на условленном месте, как правило, это был Гоголевский бульвар. На встречу, разумеется, никто к нему не приходил. Так бабушка спасла его. Да и себя, потому что к тому времени ее брат уже отбывал свой срок на рудниках, а позже, в самом начале войны был расстрелян. В конечном счете, она спасла меня, потому что моя мама в то время была ребенком, и неизвестно, как сложилась бы ее судьба в случае ареста родителей.

О деде вспомнили снова только в 43-м, но по совершенно другому поводу. К тому времени в советских лагерях накопилось немало пленных немцев, с ними активно велась пропагандистская работа, и дед, хорошо знавший идиш, весьма схожий с немецким, был на нее мобилизован. Его основной задачей была вербовка кадров для строительства новой Германии. Бабушка с детьми во время войны находилась в эвакуации в Чапаевске, а по возвращении в Москву в 44-м году ее ждал неприятный сюрприз.

Квартирный вопрос. Кто только о нем не писал?! В каких видах он перед людьми не вставал. Согласно Булгакову, именно он испортил москвичей. А сколько он попортил им крови и унес здоровья?! Может быть, вспоминать о нем и не имело бы смысла, если бы не способ, каким бабуля его разрешила. Дело в том, что во время войны деда, оставшегося одного в трехкомнатной квартире, «уплотнили», сузив место его обитания до одной маленькой комнаты, где и вынуждена была разместиться по возвращении из эвакуации вся семья из четырех человек.

Нелепость ситуации заключалась в том, что хотя дом считался ведомственным и относился к ЦК, по существу это был кооператив, за который регулярно выплачивались взносы, поэтому мой дед на совершенно законных основаниях являлся хозяином квартиры. Но так как он уже отработал свое в этой организации, то она сочла допустимым подселить в его квартиру семью другого своего сотрудника, отобрав у хозяина больше половины площади. И никто из чиновников не хотел что-либо менять в этом абсурде.

Все, кто жил при советской власти, помнят, что большинство вопросов тогда решалось с помощью одного и того же движения – поднятия телефонной трубки. Но именно ее

никто не хотел поднимать. И когда многочисленные обращения в различные высокие инстанции закончились ничем, бабушка прибегла к последнему средству, правовому, как правило, не практиковавшемуся в те времена. Она обратилась в наш советский суд, как известно, «самый справедливый и гуманный в мире».

Когда я кому-нибудь рассказывала, что моя бабуля в 49-м году, судилась с ЦК ВКП (б), пусть даже с его хозяйственным управлением, то в ответ видела круглые удивленные и ничего не понимающие глаза. Если учесть, что все события разворачивались на фоне борьбы с космополитами в лице еврейской интеллигенции, то можно представить какой незаурядной смелостью и решимостью обладала бабушка. Впрочем, и решение суда вызывает не меньшее восхищение, так как он признал, что родная коммунистическая партия была таки да не права в данном конкретном случае.

Но на то и была партия направляющей и руководящей, чтобы решение какого-то там суда воспринимать так, как она считала нужным. Оно, конечно, было проигнорировано, но все же сыграло свою не последнюю роль. Чиновники от партии не признали своей неправоты, а в силовом порядке переселили семью товарища Левитина из центра Москвы на окраину, предоставив плохо передвигающемуся инвалиду квартиру на пятом этаже без лифта. Вскоре после переезда дед скончался. Я родилась значительно позже его смерти, но бабушкины рассказы о нем, его письма к ней, фотографии занимали меня в детстве не меньше, чем самые увлекательные детские книжки.

Помог нам дед и значительно позже, когда семья разрослась, и моя мама и ее брат обзавелись своими, причем каждый по несколько раз. И вот когда в той самой квартире нас стало проживать девять человек, бабушка написала на очередной партийный съезд, товарищу Косыгину. И ей вне очереди, как вдове старого большевика, предоставили квартиру с лифтом в Кузьминках – не зря же дед потратил столько времени и сил на доказательство своей принадлежности к высшей касте.

В этой квартире мы прожили вместе много лет, пока мои родители не построили себе кооператив. Сколько раз в детстве я пряталась в бабушкиной комнате от своего отца, безжалостно донимавшего меня воспитательным процессом. Сюда же вход ему был категорически воспрещен. Бабушку он и боялся и ненавидел всю жизнь. Не только из-за меня, сколько из-за ее независимого сильного характера и того уважения, какое к ней проявляли окружающие.

И вот теперь она опять пришла мне на помощь, так удивительно и красиво, связав меня с каким-то Самозем Штокманом.

Глава 4. Агент «007», он же адвокат бриллиантового короля

Медленно иду мимо строя встречающих. Глаза сразу натываются на плакат «миссис Кэтрин Кремер» в руках строго одетого седого полноватого мужчины. Неужели это тот самый адвокат, чей голос сулил мне столько радужных надежд? По телефону он «выглядел» значительно привлекательнее. Чувствую, как мое лицо непроизвольно корчит недовольно-презрительную гримасу. Рядом с ним теснятся люди с фото- и телеаппаратурой. Нет, ребята, я еще не готова к встрече с вами. Спокойно прохожу, стараясь не смотреть в их сторону. Рядом со мной гордо несут себя пассажиры московского рейса, уважаемые господа со сногшибательными телками. К ним моментально устремляется осиный рой журналистов.

«Миссис Кэтрин Кремер?!» кричат они на разные голоса, тыча микрофоны в нос ничего не понимающим людям.

«Нет. Нет» – слышится испуганный женский визг.

«Да отвяжись ты... убери свою палку... – это уже раздражают мужчины, – да пошел ты...».

А куда ему идти, если он не понимает русского устного?

А вот и то, что мне надо. Девушка с хвостиком, в джинсиках и курточке держит скромный плакатик «миссис Волф». Моя девичья фамилия Волкова. Хотя тоже, как впоследствии оказалось, переделанная. Мой отец из крещеных евреев. И его предок после этой судьбоносной процедуры звучную фамилию Волк сменил на скромную Волков (как же жизнь заставляла нас, евреев, во все времена ассимилироваться!). Но, договариваясь с адвокатом о встрече, я вернула ей первоначальный вид, правда в английском варианте.

Пробираемся, не спеша, среди автомобилей на стоянке. Интересно, к какой тачке подойдем? Так, джип «Лендровер». Молодец, патриот отечественного автомобилестроения. Только зачем эта девица подвела меня к водительской двери? Водить вот так сразу по незнакомой местности? Я – пас. Ах, ну да, это же местные заморочки – руль справа.

– Здравствуйте, Кэтрин. Добро пожаловать в Лондон. – Сидящий за рулем мужчина, подхватил мою скромных размеров дорожную сумку, забросив ее на заднее сиденье.

– Здравствуйте, мистер Ландвер!

– Прошу прощения, что встречаю вас так, не выходя из машины. Но лучше, чтобы меня никто не видел. В аэропорту было много шума?

Молча, киваю головой, потому что в голове все еще полным ходом крутится кино со мной в главной роли: самолет с офигенными бабами, журналисты с палками микрофонов, люди с плакатами и этот скрывающийся в джипе господин. Хау ду ю ду, мистер Штирлиц? А я – радистка Кэт?!

Хотя нет, это у нас Штирлиц, причем один во всех мгновениях. А у них Бонд, Джеймс Бонд, и везде разный. Но это никакого значения не имеет, так как сюжет один и тот же: до неприличия интересный мужик и много-много женщин, а что там делают какие-то злые дядьки, совсем не важно. С такой внешностью и манерами, мистер Ландвер, вам этого самого «007» и играть. Поэтому давайте определимся сразу: у вас свое кино, а у меня – свое.

– А что, Самоэль Штокман в самом деле был таким богатым человеком? – Очень осторожно спросила я, когда мы тронулись, больше для того, чтобы как-то начать разговор.

– Разве вам не называли сумму?

– Сказали что-то о ста миллионах, но я не верю.

– И правильно делаете. – С серьезным видом ответил он, крутя головой, так как выезжал на главную дорогу.

Ну вот, я так и думала. И зачем я только ввязалась в эту авантюру? Дура, дура! Сидела бы дома и смотрела бы свой любимый сериал про уродину. Она хоть и страшная, но при этом страшно умная. Давай и ты, Катерина, шевели мозгами, что ему от тебя надо? Долги? Так мы и так их выплачиваем. Или все-таки наследство? И у меня его хотят отнять?! Был, кажется, такой фильм. «Арлет». Точно. Немолодая и неинтересная официантка получает сумасшедшее наследство. И чтобы им завладеть, мафия подсылает красавца, который должен ее окрутить. Я – немолодая наследница. Красавец присутствует. Ждем мафию. Дяденьки, я все отдам. Только уплатите мне какой-нибудь процентик, и будем в расчете.

– Эта сумма была на 1990 год, – Спокойно продолжал он. – Сейчас она в несколько раз больше... Что с вами?

Я растеклась по креслу.

Он еще спрашивает, что со мной! Такие вещи говорить клиенту без подготовки! А еще адвокат. Спокойно, госпожа миллионерша, спокойно! Вас никто не собирается грабить, а пара миллионов лишней не бывает.

– Откуда вы так хорошо знаете русский? – На самом деле этот вопрос для меня всего лишь предлог, чтобы внимательно его рассмотреть.

Да, он меня не обманул, на бывшего моего соотечественника и в самом деле не похож. В нем нет не только едва уловимых штришков, но даже привкуса совковости. Но по-русски чешет как на родном. Даже всем хорошо известные и понятные английские слова в свою речь, почти не вставляет. Корни, наверняка, из Союза.

Мой откровенно любопытный взгляд вызвал у него усмешку:

– Вы правы. Мои родители из Советского Союза, а я родился здесь. Да и с Самоэлем последние годы его жизни мы общались по-русски, ему так хотелось.

Мы въехали в город. Я стала крутить головой во все стороны. Конечно же, я не чучмо какое-нибудь, за границей бывала. В советские времена объездила почти весь соцлагерь. Господи, какое забытое слово. Неужели мы тогда так говорили? Я работала инженером-экономистом на одном из московских заводов. После окончания института ужасно переживала, что не попала в какой-нибудь НИИ, на спокойную бумажную работу. А потом нашла свои выгоды и прелести в близости к основному отряду строителей социализма.

Наша всюду направляющая и всем руководящая партия почему-то считала, что представлять за границей малочисленные туристические ряды достойны в основном представители рабочего класса, поэтому каждый месяц у дверей профкома вывешивался внушительной длины список путешествий, даже в такие экзотические страны, как Мексика. Но наши работники не очень любили тратить деньги на красоты чужих стран. Вот за продвижение в списке на машину или видеоманитофон, я уже не говорю о квартире, бригадами и мастерами устраивались битвы и плелись интриги с писанием писем в советские, партийные и профсоюзные органы и инстанции. Как правило, все они начинались стандартно «довожу до вашего сведения...»

Поэтому нам, скромным представителям НТИ, кое-что перепало из профсоюзных путевок. Правда, в кап. страны – ни за что и никогда. А в Болгарию, Румынию, Чехословакию, после получения многочисленных разрешений у начальников всех уровней и рангов, включая директора завода и председателя парторганизации, а также собеседования в райкоме, пожалуйста. Иногда, случалось, и заворачивали, особенно в ГДР и Польшу.

В постсоветские времена, когда появился новый класс, в названии которого фигурировали временные и национально-этнические характеристики, «новые русские», в него как-то незаметно для себя влились мой муж Павел Кремер и его компаньон Михаил Файнберг. Да

и на маршруты путешествий резко поменялись, приобретя исключительно восточное направление: Турция, Египет, Тунис, Израиль.

Но вот в Западной Европе побывать не удалось, ни в качестве прослойки социалистического общества, научно-технической интеллигенции, ни в качестве жены «нового русского».

И вот теперь, смотрю по сторонам. Ну, прям живые картинки из школьного учебника английского языка. Все так солидно, основательно, капитально, и в тоже время легко, чисто, ухожено. «Старушка Англия», лучшего названия и в самом деле не придумаешь.

– А куда мы едем? – Решила поинтересоваться я.

– В дом Самоэля. Я сначала думал разместить вас в отеле, но потом решил, что завтрашняя нотариальная процедура – формальность. Мы уже приехали.

Он притормозил.

Ничего себе! Судя по знакомым из книжек и теленовостей названиям улиц, которые удалось прочесть на указателях, это практически центр Лондона! Где-то я читала, о престижных лондонских кварталах, где предпочитают покупать жилье богатые русские. Но пока мне нравится здесь. А там посмотрим.

Внимательно осмотрев противоположную сторону, мистер Ландвер обратился ко мне, указывая рукой на пяти-шести этажный дом, у которого нижняя половина была отделана серым камнем, а верхняя выложена красным кирпичом, похожим на тот, каким нынче отстроено все Подмосковье.

– Вот ваши владения. Кажется, путь свободен. Наши папарацци решили, что вы прилетаете другим рейсом.

Он сказал «в доме Самоэля», а не в квартире. Значит, это все мое! Да, не маловато будет!

Поднявшись лифтом из подземного гаража на второй этаж, мы очутились перед массивной дверью. Я не отличаюсь сверхоригинальным умом, поэтому попросила его о самой банальной вещи:

– Ущипните меня!

Вместо этого мой спутник, молча, открыл дверь ключом и распахнул ее передо мной:

– Прошу вас, леди Кэтрин!

Я вошла в квартиру. Тут как будто остановилось время. Нет, не было ни спертых воздуха, ни запаха сырости или домашней пыли. Наоборот, все дышало свежестью и блестело чистотой. К моему приезду здесь, явно, старательно подготовились. Но эта мебель, вазы, шторы, коврики и вышитые подушечки на диване совсем не вязались с современным зеркальным лифтом, на котором мы поднялись, с джипом в подземном гараже, а главное, со мной, женщиной из другой страны, другого мира, из другого времени.

– В холодильнике есть еда. Но если хотите, мы можем сходить куда-нибудь поужинать, – предложил он.

Меня раздражал его взгляд, спокойно, без вызова оценивающий, сколько времени ему понадобится, чтобы справиться с женщиной, ставшей в данный момент объектом его внимания. Так как рассматривал он меня, то, следовательно, этой женщиной была я. И мне это совсем не нравилось, хотя бы потому, что я всегда боялась красивых мужчин, уверенных в силе своего обаяния, своей неотразимости и власти над серыми мышками, к коим я причисляла себя. Видимо, в его глазах я была настолько легкой добычей, что он даже не утруждал себя как-то маскировать свои мысли. Удивительно, что при этом в нем не ощущалось наглости, развязности, какой-либо циничности.

Чтобы самой переключиться с размышлений на его счет, я стала разглядывать картины на стенах гостиной, где мы находились.

– Это и есть Самоэль Штокман? Здесь все осталось как при его жизни?

– Практически. Раньше дом был трехэтажным. Нижний этаж – офис, подсобные помещения. На втором – квартира Самоэля и Эвелин, а на третьем – их сына Натана и его семьи. После смерти Самоэля пришлось надстроить еще три этажа. Центр Лондона, бешеные налоги. Все помещения, кроме этой квартиры, сдаются, в основном, под разные... Как правильно по-русски, конуры или конторы?

– Конура – это для собаки.

– Для собаки дороговато, – рассмеялся он. А потом продолжил:

– Загородный дом Самоэль продал сам, слишком много печальных воспоминаний он ему навевал. Кстати, вся недвижимость за границей тоже сдается. Деньги от этого до настоящего момента поступали в фонд, основанный для поиска наследников.

– Мистер Ландвер, вы управляете всем имуществом?

– Да, согласно последней воли Самоэля. До тех пор, пока наследница или наследницы не вступят в свои законные права.

Стоп, Катерина! Ты же не космонавтка! Зачем тебе такие перегрузки? Еще мгновение и у тебя поедет крыша от столь реальных перемен в твоей жизни: от этого сказочного дома, от сумасшедших денег, теперь уже близких, и от этого мужчины, такого... сексуального? Нет, звучит грубо и пошло. Лучше сказать, манкого. Он словно манок, за которым можно куда угодно... Катерина, опомнись! Или ты с ним, в самом деле, в космос собралась?! Запомни, дорогуша, дублеры в космос не летают!

И я сменила тему:

– Если вы не возражаете, я приведу себя в порядок, и мы сходим поужинать.

Войдя в ресторан, где мистер Ландвер, по всей видимости, был завсегдатаем, и, проходя между столиков, я поняла, почему в аэропорту он не хотел выходить из машины: ему пришлось кивнуть в ответ на приветствия чуть ли не половине посетителей. А сколько женских глаз отреагировало на его появление. Я искоса взглянула на него и увидела все тот же спокойный, немного небрежный взгляд, без какой-либо дополнительной эмоциональной окраски.

Да ему просто надоели все бабы! Он и так знает, что любая будет его, и только решает, стоит ли тратить на нее время и силы.

Меня тоже разглядывали, кто украдкой, а кто откровенно, насколько не беспокоясь, что при этом испытываю я. Излишне говорить, насколько я смутилась, попеременно, то краснея, то бледнея. Не стоило большого труда догадаться, что любопытство присутствующих было вызвано желанием узнать, кто на этот раз привлек внимание моего спутника. И мне стало стыдно перед ними, но не за себя, за свой нелепый наряд и неуклюжесть, а за него, что его выбором стала я.

Когда же мы сели за столик, и я, наконец, набралась смелости поднять глаза и осмотреться вокруг, то была ошарашена переменой окружающих: им не было до меня никакого дела, но при этом чувствовалось какое-то напряжение. Все как будто чего-то ждали, снизив голоса до полупшепота, приглушив смех или просто прекратив жевать. И центром этого ожидания был господин Ландвер.

А он, ни на кого и ни на что не обращая внимания, делал заказ, совершенно не интересуясь моим вкусом и желанием. За несколько минут, в течение которых он вел разговор с официантом, резко изменилось настроение зала: сгустившаяся до предела тишина вдруг взорвалась гоном оживленных разговоров; кивки в сторону моего визави прекратились, все дружно принялись кушать, и о нас благополучно забыли.

К счастью, разыгравшаяся только что сцена, где мне невольно пришлось сыграть невыгодную роль, очень скоро перестала меня волновать, как и отношение этих людей ко мне: я видела их в первый и последний раз в жизни. Ну, попереживала немного – не беда! Завтра сама со смехом буду вспоминать себя рядом с этим «английским денди», который исчезнет из моей жизни

максимум через неделю. А вот Самоэль и его наследство, откуда они взялись? Тут без этого слишком популярного в лондонской тусовке адвоката ответов не найдешь.

И, придав своему голосу побольше солидности, я незамедлительно приступила к расспросу:

– Мистер Ландвер, можно мне задать вам несколько вопросов?

Мой собеседник милостиво согласился:

– Конечно, но при одном условии, миссис Кремер. Давайте упростим наше общение, сделав его более приятным. – На мой вопросительный взгляд, «каким образом», он пояснил:

– Обойдемся без мистеров и миссис. Вы не возражаете?

– Мне всегда казалось, что англичане такие чопорные в этом отношении, сэр. Но если вы настаиваете, давайте отбросим эти условности.

– У вас несколько устаревшее представление о нас, Кэтрин. Вы разрешите мне вас так называть? А меня можете просто – Макс.

– Оно почерпнуто мною из литературных источников ваших же классиков, и из анекдотов по поводу английского стереотипа поведения. Поэтому, что поделаешь, оно книжно-шаблонное. До сих пор у меня не было возможности скорректировать свои познания в этом вопросе.

– Теперь вам это представится в полном объеме. Конечно, все будет зависеть от вашего желания, но уровень ознакомления с английской ментальностью может быть разный.

Нет, нет, господин адвокат, мы не будем углубляться. Цель моего общения с вами совершенно иная: я просто хочу во всем разобраться. Вы можете думать обо мне, что угодно, и смотреть на меня, как угодно, иронизируя по поводу моей нескладности. Можете сделать вместо меня заказ на свой вкус. Даже можете называть меня Кэтрин. Нет проблем. Но взамен, вы расскажете мне все о Самоэле Штокмане. Хотите упростить наши отношения? Хорошо, попробую:

– Итак, я могу получить от вас кое-какую информацию, м-м...? – не получилось. На обращении к нему я запнулась. Вот так всегда. Я могу сколько угодно пытаться изображать уверенную в себе женщину, но это не так. При первом же препятствии я спотыкаюсь.

– Макс, – подсказал он мне едва насмешливым тоном, по которому стало понятно, что его забавляет общение со мной, особенно мое смущение. Молодец, устроил себе вечер экзотики!

А что ты хотела, Катерина, от мужчины, которому приходится проводить время с женщиной не своего круга, с закомплексованной дурочкой, которой страшно вот так сразу произнести его имя? Да, он решил немного развлечься в ожидании того, как на тебя свалятся неизвестно откуда взявшиеся миллионы. Стоп! А почему неизвестно откуда взявшиеся? Ему-то как раз о них хорошо известно.

– Хорошо. Макс. – Я сделала над собой усилие и скорее выдохнула его имя, чем произнесла. – Скажите, а кто такой Самоэль Штокман? «Владелец заводов, газет, пароходов»?

– Нет, Кэтрин. У вас неправильная информация.

Неужели? А я-то, глупая, думала, что эти знакомые с детства строчки другой Самуил написал именно о нем. Ну, давай, адвокат, колись!

– Самоэль Штокман был владельцем алмазных рудников в Африке, нескольких крупных ограночных фабрик по всей Европе: в Голландии, Бельгии, Израиле и здесь в Англии, имел крупные доли акций алмазных бирж по всему миру. Иными словами, один из тех, кто в свое время держал весь бриллиантовый рынок.

Ничего себе! Круто я попала... на рудники. Это на моей родине: «граждане евреи, отъезжающие за границу, ваш поезд „Москва – Воркута“ отходит со второй платформы». А здесь у меня рейс прямой – «Лондон – Претория». Или Иоганесбург? С географией у меня всегда было туговато. Подожди, но в Южной Африке уже давно не добывают алмазов. Значит...

Мой визави наблюдал за мной с нескрываемой усмешкой. Ему, по всей видимости, доставляла ни с чем несравнимое удовольствие ошалелая реакция нескладной особы, которой он сам еще недавно высылал пару сотен евро на бедность, красиво обозначив это карманными

расходами. Наверное, он еще больше бы развеселился, если бы узнал, что половину той суммы я оставила на проживание мужу и сыну, а на вторую купила вот этот костюмчик, и в «дыюти фри» флакончик французских духов.

– Его называли Бриллиантовым Королем. – Он опять немного помолчал, наслаждаясь произведенным впечатлением. – Но не волнуйтесь, Кэтрин. Вам рудники не достались. В свое время он распродал свой бизнес. Значительная часть вырученных средств пошла на пожертвования в различные фонды, а другая была обращена в акции, в основном «де Бирса», алмазных бирж и крупных нефтяных компаний. Именно это он завещал своей наследнице.

– Объясните мне, мистер Ландвер... – обратилась я к нему, терзая в тарелке свою отбивную.

– Ничего объяснять не буду.

Я не сразу поняла, почему. Но, оторвав в крайнем изумлении глаза от своего блюда, и столкнувшись с его ироничным взглядом, требовавшим строить наши отношения так, как хочется ему, почувствовала, как этот мужчина просто подчиняет меня своей воле. Мне доводилось встречать в своей жизни особей мужского пола с потоком сексуальной энергии необычайной силы, но, этот тайфун обычно был направлен не на меня. Сейчас же сидевший напротив экземпляр нагло и откровенно издевался надо мной. Потупив глаза, я продолжила, обратившись к нему по имени:

– Макс. Объясните мне, разве у Самоэля Штокмана не было родственников, которым бы все это досталось?

– Нет. Никого не осталось. Все погибли.

– А почему вдруг он вспомнил мою бабушку и все завещал наследницам, совершенно обделив потомков-мужчин?

Он открыл свой кейс, стоявший рядом с ним на стуле, и достал оттуда увесистую папку из темно-бордовой кожи, застегнутую на молнию, передал ее мне.

– Сегодня утром я забрал это из банка. Уверен, вы найдете здесь ответы на все интересующие вас вопросы.

– Что это? – Спросила я, разглядывая золотое тиснение в виде пятисвечника с короной над ним.

– Письмо Самоэля своей наследнице.

– Вы в курсе того, что здесь написано?

– Да. Перед тем, как отдать мне его на хранение, он хотел, чтобы я прочитал.

После того, как я отложила ее в сторону, он спросил:

– Кэтрин, у вас есть еще вопросы?

– Я вас задерживаю? Вы торопитесь?

– Нет. Сегодня я в полном вашем распоряжении.

– Тогда... – Но тут раздался звонок его сотового. Извинившись, он ответил. Судя по звуку голоса, долетавшего до меня, звонила женщина. А судя по его лицу, в одно мгновение ставшему бесцветным, и глазам, которые он пару раз выразительно закатил, забыв о моем присутствии, звонила надоедавшая ему женщина.

Отработанный материал. Жалко, конечно, дурочку. Но она сама виновата. Видела же, наверняка, с кем связалась. Ведь это не мужчина, а стихийное бедствие, чуть поддашься – крышу снесет. А он дальше усвистит, только его и видели, сносить крыши у других.

Когда он закончил разговор, я продолжила:

– Объясните мне... Макс. – Он, как учитель в школе, с улыбкой кивнул головой, подтверждая правильность слов и тем самым, подбадривая робкого ученика. – Зачем вы меня нашли? Ведь вы же распоряжались этим огромным капиталом в течение стольких лет! Что вам помешало и в дальнейшем заниматься этим, я думаю, прибыльным делом, номинально разыскивая весьма абстрактную наследницу?

Улыбка исчезла с его лица, и интерес самца сменился интересом умного мужчины.

– Кэтрин, вам не кажется, что ваш вопрос слишком откровенен?

– Давайте, в самом деле, оставим в стороне всякую условность, намеки, полунамеки и поговорим начистоту. Какого черта, вы меня нашли? Для чего я вам нужна?

– Кэтрин, я выполнял последнюю волю Самоэля. Но если вы думаете, что я распоряжался капиталом по своему усмотрению, то ошибаетесь. Моя деятельность была строго ограничена условиями завещания. Я сам его составлял.

– И что, не нашли для себя лазеек? – Мне совсем не хотелось с ним деликатничать. Я же выдержала его натиск, теперь пусть попробует мой.

– А вы не так просты, как кажется. Я, действительно, нашел кое-какие... возможности, но вы от этого не пострадали, а только выиграли. Завтра, после подписания всех необходимых нотариальных бумаг, я представлю вам полный финансовый отчет. – А потом добавил с хитрой, как мне показалось, улыбкой:

– Я нашел вас, потому что дал слово Самоэлю, что обязательно сделаю это. Прочитав историю его жизни, вы поймете, почему для него это было так важно.

Ну да, так я и поверила. Я, конечно, наивная женщина, но не до такой же степени, чтобы и в самом деле представить, что умный, практичный и расчетливый мужчина, а это видно сразу, руководствовался бы в своих действиях какими-то клятвами, данными сто лет назад выжившему из ума старику. Потому что в здравом уме придумать такое невозможно.

– Я чувствую, вы мне не верите. – Я отрицательно покачала головой. – Ну, что ж? Один – ноль, в вашу пользу. Действительно, Самоэль Штокман был не такой дурак, чтобы доверять одним клятвам. Он ограничил срок моих полномочий пятнадцатью годами. Если я за это время не найду наследницу, то все состояние переходит в различные благотворительные фонды и...

– И вы остаетесь ни с чем. – Закончила я за него, на что он утвердительно кивнул.

Я задумалась: насколько мне известно, наследниц разыскивают с 1990 года, а сейчас сентябрь 2004-го. Вы во время уложились, господин адвокат.

– Мистер Ландвер, а какую пользу вы хотите извлечь из моего появления?

– Кэтрин, вы смущаете меня своей прямоотой.

Неужели? Или вы были уверены, что только я могу смущаться под взглядами ваших насмешливых черных глаз? Простите, что испортила вам вечер экзотики.

Ужин мы закончили в полнейшей тишине. Полученной информации оказалось достаточно, чтобы призадуматься над ней.

Я предполагала, что после того, как мистер Ландвер проводит меня до дверей, мы расстанемся, пожелав друг другу спокойной ночи. Но он вошел в квартиру следом за мной.

– Вы, наверное, сегодня очень устали?

– Да, очень. Но еще больше хочется заглянуть в папку, которую получила от вас.

Он явно медлил с уходом.

– Кэтрин, а можно мне тоже задать вам несколько откровенных вопросов?

– Попробуйте.

– Я знаю, что вы замужем, но сюда приехали одна. И в наших телефонных переговорах никогда не стоял вопрос о приезде вместе с вами вашего мужа.

– Ну и что? Вас это как-то смущает? – брякнула я, абсолютно не подумав.

– Меня? Ну, что вы. Ничуть, – его голос сразу изменился. – Меня никогда не смущало ни наличие мужей, ни, тем более, их отсутствие. Я на вашем месте поступил бы точно так же.

Не знаю, что в этот момент произошло, но я осталась стоять как замороженная в потоке его обаяния и мужской притягательности, которые он без всякого стеснения изливал на меня, подходя с каждым словом все ближе и ближе.

– Уже с завтрашнего дня у вас начнется новая жизнь, вам откроются безграничные перспективы и удивительные возможности. Я готов помочь в освоении этих неизведанных для вас просторов.

Он подошел ко мне совсем близко, нужно было только положить руки ему на плечи, а дальше все получилось бы само собой. Но меня заклинило. Он же, перейдя почти на шепот, продолжал обволакивать меня сладким дурманом своих слов, глаз, близостью своего тела, отчего все поплыло перед глазами.

– Все эти годы я пытался представить женщину, которой выпала столь редкая удача. Один шанс на миллион. Не буду отрицать, мое воображение рисовало вас другой. Но я не разочарован. Наоборот. Вы хотели откровенности. Что же, буду, откровенен до конца...

От его голоса с придыханием, от едва уловимого тонкого аромата мужского парфюма внутри у меня все закружилось в бешеном галопе. Ноги предательски подкосились. Я не упала только потому, что он уже держал меня, шепча на ухо:

– Я сразу понял и оценил, что вы умная, интересная, привлекательная женщина. Я...

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не его последние слова – за них я и зацепилась, как за спасительную соломинку.

– ... чертовски привлекателен. – Перебила я, закончив за него фразу и с трудом переводя дух.

Ничего себе заявочки! Здравствуйте, я ваша тетя! Нет, нет, дорогой, не путай меня. Радистка Кэт и Бонд, Джеймс Бонд, герои разных фильмов. С этим я уже определилась. Мне нужен наш родной и до одури верный Штирлиц.

– Мистер Ландвер, вы всегда так энергичны в отношениях с женщинами, или со мной решили поставить рекорд? – Я твердо отстранилась от него.

– Вы мне понравились. – Он говорил на удивление спокойно, не испытывая никакого дискомфорта: ну, подумаешь, сегодня не удалось, получится завтра.

– До такой степени, что в первый же вечер готовы уложить меня в постель? Я, наверное, покажусь вам старомодной калошей, но мне для этого нужны чувства. А вам?

– Совсем не обязательно. Для получения удовольствия достаточно обоюдного желания.

– Для тела. А для души? – Его взгляд стал холодным и презрительным, на что я «завелась». – Кстати, хорошо, что вы напомнили мне про мужа. Вы ведь, по всей видимости, тоже женаты? Я не побоюсь предстать перед вами в еще более непривлекательном виде, если скажу, что за все время нашей супружеской жизни я ему ни разу не изменила. А вы своей жене? Или она тоже получает бездну удовольствия с другим?

– Я разведен. Но что касается измен, то тут вы не правы, Кэтрин, это как раз несложно начать.

– Не для меня!

Он, молча, развернулся и направился к двери.

– Вы не хотите извиниться передо мной? – бросила я вслед ему. Но он, как будто не слыша моих слов, продолжал отдаляться. Когда же, наконец, обернулся, я увидела совершенно другого мужчину. Даже не могу сказать, что с ним произошло. Наверное, из желания показать всю несостоятельность его представления о моей наивности и легкодоступности я попала в какую-то болевую точку. Он же подчеркнуто вежливо, не глядя на меня, произнес:

– Прошу прощения за свое отвратительное поведение. Я заеду за вами завтра в девять. Спокойной ночи.

С прекрасным жизнь пока задерживается, а вот удивительного хоть отбавляй!

Глава 5. Тетрадь в сафьяновом переплёте

Оставшись одна, я постаралась успокоиться и привести в порядок свои мысли после того смерча эмоций и желаний, который чуть было не закружил и не вовлек меня в бездну сумасшедших и давно забытых чувств и страстей.

Легко сказать, успокоиться, когда он все еще стоит перед глазами, мужчина, мечта любой женщины, плод ее безграничной тоски по любви и теплу. Стоп! О какой любви ты тут размечталась? Какое тепло? Ты разве не слышала, что он сказал: пятнадцать лет пролетели как сон, и он остался не у дел. А тут есть шанс пристроиться. Что поделаешь, если в придачу к деньгам есть еще и наследница? То, что он меня ни во что не ставит, понятно сразу. Другой женщине разве вот так откровенно, посмел бы предлагать свои услуги в первый же вечер? Обхаживал бы до посинения. А со мной, посчитал, можно и по-быстрому. А все-таки интересно, как я его правильно просчитала, настоящий Бонд, Джеймс Бонд!

Я стояла у окна в гостиной. У меня такая привычка: в моменты сложных душевных переживаний, а простых у человека не бывает по определению, меня тянет к любому стеклянному проему с видом за ним. Неважно, что перед глазами. Главное, что при созерцании заоконных пейзажей грозовые тучи душевных волнений разряжаются, наступает умиротворение, что позволяет мыслям ровно течь по извилинам рек мозговой деятельности, осаждая в тихих бухточках сознания самые рациональные из них. Вот и сейчас такая необходимая мысль плавно вошла в мой ум и мягко напомнила о том, что меня дожидается папка Самоэля. Я мысленно помахала рукой герою не своего романа, точнее фильма, и взяла в руки чужую судьбу, которая таким непонятным пока для меня образом оказалась переплетена с моей.

Я растянула молнию на папке. Внутри оказалась книга или тетрадь в необыкновенно красивом переплете из красной нежнейшей кожи. Для себя я сразу назвала его сафьяновым, хотя не очень представляю, что это такое. Но по детским ассоциациям, связанным со сказками на ночь, это что-то красное, красивое, кожаное и загадочное. Внутри – не разлинованные белые листы, исписанные аккуратным почерком. По-русски, слава Богу! На первом всего одна фраза: «Ниночке, ее дочери, внучке или правнучке».

Господи, вот когда сердце заколотилось!

Подожди, Катерина, не спеши! Осмотрись для начала. Сядь, подумай. Ты находишься в Лондоне, в доме и квартире, которые, как говорят, с завтрашнего дня станут твоими. Так пойдй, пройди по ней.

Здоровое женское любопытство вернуло учащенное сердцебиение в прежний ритм и заставило оглядеться по сторонам. Я сидела на диване в просторной гостиной, днем, наверное, очень светлой, заставленной массивной мебелью. На мой взгляд, в диване было слишком много дерева, что почувствовала моя спина, прислонившаяся к отполированной временем деревянной спинке. У противоположной стены – буфет, за его стеклами сервизы из тончайшего фарфора. Сплошной антиквариат! В одном из концов комнаты, ближе к окну, круглый стол с букетом живых цветов в вазе. Меня и в самом деле здесь ждали. На стенах картины в богатых рамах и несколько фотографий: на одной, она еще раньше привлекла мое внимание, пожилой благообразный мужчина в костюме-тройке, Самоэль Штокман собственной персоной, на другой – красивая женщина с печальными глазами, в белой блузке, с камеей у воротника. Адвокат назвал ее Эвелин.

В том конце комнаты, что напротив окна, находилось три двери. Одна из них, центральная, была открыта и вела в прихожую. А что скрывается за другими? Посмотрим.

Двери располагались одна напротив другой на противоположных стенах гостиной. Я распахнула настежь одну и увидела длинный коридор, заканчивавшийся также раскрытой дверью,

в проеме которой были видны шкафчики и стол, характерные для кухни. Ну что же, пойдем туда. Так, ванная, туалет. Небольшая скромная комната, наверное, для прислуги. Кладовка, Дальше еще одна техническая комната со стиральной машиной, сушилкой, гладильной доской. И, наконец, кухня. Такую можно увидеть только в модных журналах. Я не особенно люблю готовить, но здесь даже мне захотелось бы заниматься кулинарными изысками.

А что у нас с другой стороны? Еще одна уютная гостиная, с телевизором и баром. Здесь большая спальня с замысловатой драпировкой бархатных штор на окнах. Ой, а как красиво они окружают кровать. Наверное, если их распустить, возникнет ощущение кокона. В комнате две двери: одна в ванную, а другая – в гардеробную. Удобно. Следом еще одна спальня, поменьше. А это что? Коридор заканчивался запертой на ключ дверью. Сейчас откроем. Ага, кабинет. Перед окном большой стол, вдоль одной стены – книжные шкафы, вдоль другой – длинный комод, на котором стоят часы, наверное, тоже старинные, два серебряных подсвечника, какие-то статуэтки, и на стене снова картины и фотографии. Я села лицом к двери в кресло, стоящее между окном и столом. По другую сторону стола стояли еще два глубоких кресла. Поерзала для порядка, действительно, удобно.

Подожди, подожди, ведь я уже видела эту комнату. Ну, конечно, на комоде должна быть инкрустация из грубо вырезанного дерева с крупными цветами по углам. Точно. Вот они. А еще я видела себя, сидящей за этим столом и читающей книгу в красивом переплете. Ее название я запомнила на всю жизнь: «Кармическое исцеление».

Нет, я никогда не была ясновидящей, никогда не видела ни свое, ни чужое будущее. Но часто использовала различные медитации для решения тех или иных проблем. Вот и эту картину видела в медитации, когда просила дать мне систему, по которой могла бы работать. И после этого мне пришла информация о кармических регрессиях, и я стала их проводить сначала на себе, а затем и на других.

Это было около четырех лет назад. Я тогда переживала кризис во всех сферах своего бытия. Но если в материальном плане состояние потери нажитого имущества стало привычным, то состояние духа требовало немедленного выхода из доканивающего его дискомфорта. Меня не устраивало ощущение застойного болота. Хотелось двигаться вперед. Кризис был вызван тем, что в своих изысканиях и поисках более легкого пути я ушла в сторону, потратив много времени и сил на то, что оказалось для меня закрытым.

К этому времени я уже прекратила обвинять мужа и его компаньона во всех бедах, свалившихся в одночасье на нашу голову. Оставила в покое Ельцина с его «киндер-сюрпризом» Кириенко. Стала хоть что-то понимать, почему такое случилось со мной, с моей семьей, с точки зрения Высших законов. Понятия «карма», «кармические долги», «зацепки за земное» и многие другие эзотерические термины прочно вошли в мои сознание и лексикон. Медитации стали регулярной практикой.

Я научилась отслеживать свои негативные мысли, стараясь, к сожалению, не всегда удачно, менять их на положительные. У меня не получалось радоваться жизни и приплясывать от счастья, находясь по уши в дерьме. Наверное, потому, что обида на судьбу ядовитой занозой сидела в душе, и совсем не глубоко, так как при малейшем прикосновении к ней я чувствовала боль падения. Почему падения? Да потому, что когда все было хорошо, успешно развивался престижный бизнес, проносящий высокие доходы, когда появились все атрибуты новой красивой жизни: шикарная квартира, новые машины, дом в ближайшем Подмоскovie и прочая, прочая, прочая, я ловила себя на мысли: «высоко взлетаем, чтобы потом было большее упасть».

Этот гнусный червячок сомнения в заслуженности того, что сваливалось в наши руки, точил спелое яблоко благополучия. Почему я так думала, до сих пор не знаю. Потом, подробно во всем разобравшись, поняла, что сработала не только эта программа-негатив. Были и другие,

более существенные причины. Но тогда, около четырех лет назад, было только одно желание – «подняться», как можно быстрее, и любыми способами.

Кто-то скажет: вот баба-дура! Пошла бы продавщицей в палатку или, на худой конец, подъезды мыть. Так ведь и пошла, судомойкой в кафешку. Но через неделю хозяин меня уволил, так как нашлась более молодая и дешевая рабсила. Возвращения к прежней профессии экономиста не получилось. Для устройства в какое-нибудь престижное место связей не нашлось. А идти бухгалтером муж запретил. Он считал, что при первой же неблагоприятной ситуации меня сделают «стрелочником». А что такое отвечать «по полной программе», он знал не понаслышке, да и я тоже.

У меня появилась масса времени заниматься собой, конечно же, не физическим состоянием, а духовным. Мне не давали покоя бесконечные «почему» и «за что». Изматывающей бессонницей донимали тревожные мысли, требующие скрупулезного анализа проблем и вызвавших их причин, и, как следствие всего, поиски конкретных способов и возможностей справиться с ними. А главное, я читала, читала, читала в поисках ответов на эти непростые вопросы. Банально? Но это обычный путь большинства.

Пройдя определенный отрезок пути, многое поняв и переоценив, я искала пути и методы более быстрых изменений в «земной» жизни. Такое случается с людьми, открывающими свою дверь в Тонкий мир. С одной стороны, это похоже на игру, ты работаешь с такими тонкоматериальными сущностями, как ангелы-хранители, феи, различные эгрегоры. Начинаешь с ними дружить и просить, просить о чуде. А с другой стороны, так хочется, чтобы эти чудеса начинали происходить быстрее.

Ну, а как будешь реагировать, когда муж твердит целыми днями: «Кать, мне этот козел (по фамилии такой-то) должен невье...ую сумму...», или «у нас в таком-то банке зависли бешенные деньги, вот если...», или «мы «стрелку» забили, если получится, опять нормально заживем»? Конечно же, приложишь максимум усилий любыми доступными тебе методами и способами, чтобы сложилась благоприятная ситуация, чтобы нужный человек пришел в нужное время и в нужное место, и чтобы до него дошло, что долги нужно отдавать.

А чем ты, слабая, беззащитная женщина, можешь помочь? Да нет ничего проще – поколдуй! И всего делов-то. Ведь ты многое можешь, многое умеешь. Ты научилась вступать в контакт с тонкими сущностями, и они даже отвечают на твои просьбы. Ты ощущаешь в себе какие-то исключительные способности и думаешь, что тебе доступно все. Ну, что тут сложного? Прочитала нужное заклинание, совершила необходимый ритуал и, считай, дело сделано. На этом этапе многие уходят в магию.

И я поддалась этому искушению. Наивная, я тогда еще не знала, что на все нужно получить разрешение Системы, а она очень строго следит за тем, кому и чем следует заниматься. Так вот, мне занятия магией, любой, белой, черной, оказались категорически противопоказанными. После одного из таких сеансов у меня обострилась давняя болезнь – язва желудка. Но я не поняла предупреждающего сигнала и продолжила свои магические посылы. Закончилось это тем, что сын сломал руку на ровном, можно сказать, месте. Случайность, переходящая в закономерность.

Я на собственной шкуре убедилась, что наказание деньгами – самое легкое. Сегодня деньги есть, завтра их нет, а послезавтра – будут, если урок выучишь. Конечно, примириться с их потерей трудно. Но все-таки значительно легче, чем с потерей здоровья, своего собственного или близкого человека. Кстати сказать, «стрелки» заканчивались ничем, долги нам никто не возвращал, а мы сами отказывали себе во всем, чтобы рассчитаться со своими. Следовательно, урок не выучен, и надо искать иное решение проблемы.

И вот, пройдя такой сложный и, как оказалось, небезопасный путь в ложном направлении, я очутилась в исходной точке, больная, бедная, измотанная своими страхами и переживаниями и совсем опустошенная. Но отрицательный результат, как известно, тоже резуль-

тат. Тщательно его осмыслив, я стала просить дать мне иной путь, тот, который Система сама посчитает наиболее для меня подходящим. И в одной из медитаций мне его показали: я увидела себя в этом самом кабинете, сидящей за этим самым столом при свете свечей вон в тех самых подсвечниках, читающей книгу в необыкновенно красивом переплете под названием «Кармическое исцеление».

Три года ушло на то, чтобы развязать многочисленные кармические узлы, отработать все негативные связи и очутиться там, где я нахожусь сейчас. Случайностей не бывает, все они предопределены нами же.

Со спокойной душой я открыла тетрадь в сафьяновом переплете.

Глава 6. Самоэль. Второй этюд в революционных тонах

Я родился в 1900 году в местечке Бельцы. Мой отец Манус Штокман был кузнецом, человеком богатырского телосложения и такого же здоровья. Но однажды, выполняя какую-то срочную работу, надорвался, подняв слишком большую тяжесть. Недолго проболев, он умер, оставив мать с пятью детьми, из коих я был самым старшим. Мне было тогда тринадцать лет. Чтобы помочь прокормить младших, пришлось бросить хедер (насколько я помнила, так на идише называлась школа для мальчиков, аналогичная церковно-приходской).

Неизвестно, как сложилась бы моя судьба, если бы кто-то из соседей не посоветовал матери обратиться к ее родственникам Бронштейнам, состоятельным людям, когда-то проживавшим в Кишиневе, а теперь переселившимся в Москву. Тем более что мой отец помог Бенциону Бронштейну, приютив его, когда тот бежал от погрома. И вскоре на письмо матери пришел ответ, в котором Бенцион сообщал, что ему нужен толковый и надежный помощник в лавку. И если я умею считать и писать, то он может взять меня на это место с жалованьем, размеры которого вызвали у матери слезы счастья. Она нашла человека, ехавшего в Москву, и отправила меня с ним.

Бенциону я сначала не понравился, так как был неказист и смешно выглядел в одежде, из которой давно вырос. Но его привели в восторг мои способности в счете, и это решило дело.

Нину я увидел в первый же день и влюбился с первого взгляда. Она пришла после занятий из гимназии и, заглянув на кухню, поинтересовалась, кто этот оборвыш и хорошо ли меня накормили. Узнав, что я тот самый дальний родственник, которого берут на работу в лавку, прыснула от смеха. Мой вид ничего другого и не мог вызвать.

Первый год наше общение сводилось к взглядам, которые я тайком бросал на нее. Она не обращала на меня никакого внимания. За это время я очень изменился. Во-первых, пообтесался в городе, а во-вторых, отъелся на сытых харчах Бенциона и заметно подрос, унаследовав рост и фигуру отца. Нину я часто видел с книжкой в руках и поэтому решил, что это будет самый подходящий способ завести с ней дружбу. И однажды, набравшись духу, обратился с просьбой дать мне что-нибудь почитать.

Два года я был аккуратным и добросовестным читателем, но наши диалоги не выходили за рамки обычных фраз: «Тебе понравилась книга? Хочешь еще что-нибудь почитать?» Точнее, спрашивала она, а я только кивал головой в ответ. Она была для меня мечтой, принцессой из страны грез, которую я мог завоевать, только совершив необыкновенный подвиг. Но с раннего утра до вечера я находился в лавке или бегал по поручениям, затем до поздней ночи читал книги, так что не находилось времени для поступков, способных поднять меня в ее глазах.

Так продолжалось до весны 1917. В городе было неспокойно, ходило много людей в военной форме с оружием. Да и без оружия было достаточно всякой швали. На улицах тут и там возникали стихийные митинги. В лавке количество посетителей заметно уменьшилось. В тот вечер тетя Ревека, встревоженная тем, что Нина задержалась в гостях у своей тетки, попросила меня сходить за ней, так как темные московские улицы были совсем не безопасны.

Я ждал ее в прихожей, когда она пулей выскочила из комнаты, откуда доносилось ей вслед: «Ниночка, но я же для тебя стараюсь. Ты мне еще спасибо скажешь!». Но Нина, видимо, не находила причины кого-то благодарить. Стремительно пройдя мимо меня, она бросила через плечо: «идем!» и, ни с кем не попрощавшись, вылетела за дверь.

На улице еще более ускорила шаг, так что я еле поспевал за ней. Где-то слышались пьяная ругань, надрывные женские крики, переклички собак. Я даже не успел ни о чем подумать, как вдруг она резко остановилась и, повернувшись, обратилась ко мне так, словно мы были близкими знакомыми и ненадолго прервали важный разговор:

– Ты представляешь, они решили выдать меня замуж! – Она вся кипела от негодования. – Мол, хватит учиться! Чтобы нарожать мужу детей, гимназия не нужна. Она мне целый список женихов составила.

Я знал, что многие зажиточные еврейские семьи двинулись в Европу и Америку, увозя не только нажитое добро, но и знатных женихов и невест. Видимо, тетка посчитала, что сейчас настал самый благоприятный момент, чтобы пристроить родную племянницу. Но Нину такая перспектива не устраивала.

– Ну, чего ты молчишь? Почему ты все время молчишь? Разве ты не понимаешь, что сейчас происходит? Вон Эмка, дома совсем не бывает. Какие-то прокламации разносит, по митингам бегает. А ты целыми днями при отце торчишь.

– Мне все это не нравится, – стал оправдываться я, в полном недоумении от того факта, что ее как-то интересует мое существование.

– Что тебе не нравится? Тебе что, при царе больше нравилось?

– Да идеи мне эти не нравятся. У богатых забрать, бедным раздать.

– Так что же тут плохого?! Разве ты не хочешь быть богатым?!

– Хочу. Но забирать ни у кого не хочу.

– Почему, если это богатство руками бедняков заработано?

– Тогда и у твоего отца нужно все отнять. Он – богатый человек. Особенно по сравнению со мной. Но свое богатство нажил сам, работая с утра до вечера. Вот и я так хочу. А отнимать мне не нравится.

– А ты думаешь, у нас могут все отнять? – Видимо такая возможность никогда не рассматривалась.

– Да ты сама говоришь, времена нынче какие. Вот если бы за границу уехать, где поспокойнее, порядка больше. Там свое дело начать.

– Но ты же ничего не умеешь, ничему не учился?

– Ну, почему же не умею, зря я что ли у твоего отца три года в лавке прокрутился? Начальный капитал нужен. Без него сложно.

– Ты серьезно? Ты, в самом деле, думаешь уехать из России? – Она удивленно смотрела на меня.

У меня не было никаких серьезных намерений, я просто иногда размышлял на эту тему, пересчитывая в уме свои небольшие сбережения и понимая нереальность любых планов.

– Возьми меня с собой, – вдруг услышал я.

– Нина, ты что? Тебе тетка вон каких женихов предлагает...

– Дурак! Я же не в жены к тебе набиваюсь. Я учиться хочу. За границей женщине можно. И потом... я решила, что выйду замуж только по любви.

После этого вечера все изменилось. Теперь Нина, уходя к подругам, просила мать послать меня за ней по вечерам, если она задерживалась. Мы в деталях обсуждали план побега. Вскоре и этого времени оказалось мало, и мы тайком, когда все домашние укладывались спать, поднимались на чердак, где, сидя на широком подоконнике под яркой луной, мечтали о другой жизни. Не знаю, догадывалась ли она о моих чувствах к ней, но я был счастлив. Она нуждалась во мне и была уверена в моих силах, способностях и возможностях, что подталкивало меня к реализации нашего плана.

Я стал осторожно заводить разговоры с посетителями лавки, которые собирались, по всем приметам, менять место жительства, выяснял, какие нужны документы для отъезда за границу, в какой стране легче найти работу, сколько стоит обучение в университете. Она тоже не теряла время даром, через родственников и знакомых собирала разные слухи, и мы их обсуждали до полуночи на чердаке. Только ради этих минут я был готов на все.

Однажды в лавку зашла женщина, немного странно выглядевшая из-за рассеянности и болезненной бледности. Она не сразу поняла, где находится. И только после нескольких обра-

щений к ней – сударыня, чего изволите? – как будто очнулась. Хотела уйти. А потом заинтересовалась тканями и стала выбирать. Накупила столько, что попросила помочь отнести их до дома. Бенцион без слов отпустил меня.

Я был уверен, что, получив свои чаевые, быстро вернусь. Но она пригласила меня в гостиную, сообщив, что скоро придет ее муж, и мы будем обедать. Моему удивлению не было предела. В доме Бенциона я тоже обедал за общим столом, но, как правило, только по шабатам, то есть в пятницу вечером и в субботу. В остальные дни – на кухне. Сейчас же, находясь в богатом доме, я понимал, что мальчишке из лавки совсем не место за одним столом с хозяевами.

Вскоре появился обещанный господин, он молчаливым кивком ответил на мое робкое приветствие после того, как его жена представила меня как гостя. За столом Роза Леонардовна, так звали эту женщину, все время подкладывала мне в тарелку лакомые кусочки, с умилением наблюдая, как я закладываю их за обе щеки. Неудобство состояло в том, что одновременно мне нужно было отвечать на расспросы ее мужа. После обеда он пригласил меня к себе в кабинет.

Ну, о чем я, мальчишка семнадцати лет из еврейского местечка мог думать, оказавшись в непонятной для меня ситуации? Первым делом предположил, что этот господин, оставшись со мной наедине, посоветует мне побыстрее забыть о невинной причуде его супруги. В лучшем случае, подкрепит свою просьбу парой монет, а в худшем – выгонит просто так, посчитав, что я наел в его доме на еще большую сумму. Однако он, усадив меня в кресло, продолжил расспросы о моей семье, о Бенционе, о моем положении в его доме, не выказывая никак своего недовольства. Покончив с этим, он обратился ко мне:

– Я понимаю, молодой человек, что вы несколько обескуражены происходящим. Сейчас я вам все объясню. Может быть, вам известно мое имя, Иосиф Рейнгольд? Около полугода назад при трагических обстоятельствах погиб наш единственный сын. – Он замолчал. – Левушка. Ему шел семнадцатый год. Роза никогда не отличалась хорошим здоровьем, а после его смерти совсем сдала. Сегодня первый день, когда я увидел ее улыбающейся. Вы напомнили ей сына. У меня к вам просьба, навещайте нас каждый день. Для нее это важнее любых лекарств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.